

М.А.Шугалей, И.С.Бурикова, О.В.Суханов, А.И.Юрьев

ТРИПОЛИ

как социальный лифт для ИГИЛ

(террористическая организация)

Коллективная монография по результатам исследований

МАКСИМА ШУГАЛЕЯ

2020

Авторский коллектив:

М. А. Шугалей, социолог, политический консультант; И. С. Бурикова, кандидат психологических наук, заведующий лабораторией Института политической психологии и прикладных политических исследований ЛГУ им. А. С. Пушкина; О. В. Суханов, кандидат социологических наук, социолог; А. И. Юрьев, доктор психол. наук, профессор, директор Института политической психологии и прикладных политических исследований ЛГУ им. А. С. Пушкина.

Шугалей М. А., Бурикова И. С., Суханов О. В., Юрьев А. И.

Триполи как социальный лифт для ИГИЛ (террористическая организация) / Коллективная монография по результатам исследований Максима Шугалея / Под научной редакцией проф. А. И. Юрьева. — СПб, 2020. — 115 с.

Монография основана на исследованиях общественного мнения, проведенного группой исследователей в Ливии весной 2019 года под руководством Максима Шугалея. Известный российский политический консультант, исследователь Максима Шугалея был арестован в Триполи. Его арест имеет все признаки террористического акта. Монография подготовлена группой ученых, социологов и политических психологов, которые обобщили материалы исследований, переданных Максимом Шугалеем. Материалы книги позволяют полагать, что терроризм в Триполи поднялся «с самого дна», от терактов частных лиц и групп на государственный уровень. Это означает, что для переговоров требуется совершенно другая дипломатия. Мало того, что терроризм изменил цвет, веру, идеи, но он склонен расширяться до масштабов террористической войны, и этого не видят только погрязшие в бюрократии лидеры ЕС и США. В книге приводится часть материалов Максима Шугалея, показывающих сложность и глубину исследований, которые он вел в Триполи. Вывод такой: если Максим Шугалей не будет возвращен на родину целым и невредимым, то это сигнал для того, что все международные отношения практически сокращаются до формальных. Он должен вернуться!

© Шугалей М. А., 2020

© Бурикова И. С., 2020

© Суханов О. В., 2020

© Юрьев А. И., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

1	ПРЕДИСЛОВИЕ	4
2	РОЛЬ РОССИЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ТРИПОЛИ	7
2.1	Обоснование необходимости проведения исследования	7
2.2	Технические характеристики исследования.....	8
2.3	Арест российских социологов и попытки переговоров	9
2.4	Переговоры по поводу освобождения	10
2.5	Юридическая защита Максима Шугалея и Самера Суэйфана	11
2.6	Поддержка на родине	11
3	ТЕРРОРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ	12
3.1	Классические определения терроризма	12
3.2	Политическое определение терроризма	15
3.3	Терроризм как социальное явление, маскирующееся под войну	16
3.4	Психологические механизмы терроризма.....	19
3.5	Терроризм доглобальных времен – мировоззренческая несовместимость	21
3.6	Терроризм времен глобализации – борьба за место в жизни	24
3.7	Психологическое происхождение терроризма (по проф. А. И. Юрьеву)	27
3.8	Терроризм – его психологические истоки (по проф. С. В. Цыцареву)	32
3.9	Носители идеологии терроризма.....	40
3.10	Список литературы.....	42
4	ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕРРОРИЗМА	45
4.1	Подходы к описанию эволюции терроризма	45
4.2	Этап 1. «Терроризм для одиночек».....	48
4.3	Этап 2. Рост масштабов терроризма. «Терроризм как технология дестабилизации ситуации».....	52
4.4	Этап 3. «От ИГИ до Исламского халифата и его поражения»	60
4.5	Этап 4. «Новая формула терроризма – инкорпорация в государственные структуры»	65
4.6	Список литературы.....	73
5	ТРИПОЛИ НА ПУТИ К ПОНЯТИЮ «ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА» – ОТ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОГО КОНФЛИКТА ДО ИНКОРПОРАЦИИ ТЕРРОРИСТОВ ВО ВЛАСТЬ	78
5.1	Ливия как оплот терроризма – исторический очерк	78
5.2	Основные выводы: Ливия настоящая по результатам исследований	93
5.3	Краткое резюме экспертных интервью с политиками (май 2019)	93
5.4	Краткое резюме глубинных интервью с гражданами Ливии (март–апрель 2019)	100
6	ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. «СПИСОК ШУГАЛЕЯ»	111
7	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	112

1 Предисловие

Эта книга представляет собой мгновенную реакцию на заданный вопрос: как понимать современный терроризм – вообще, и в Триполи, в частности? Мы сами озадачены тем, что получилось в результате изучения этой гидры (явления терроризм), у которой, казалось, отрубили все головы. Стало ясно главное: сегодня терроризм совсем не такой, каким мы его знали еще вчера. Подтверждено, что он сохраняет преимущество: **использование страха для достижения цели – это его вечный признак. Новое в терроризме:** 1) проращение терроризма в легитимные органы власти; 2) применение инструментов цифровой цивилизации на одном уровне с ее разработчиками; 3) что касается цели терроризма, то, похоже, что гражданское общество, почившее на лаврах своей «комфортной» цивилизации, уступило политическую инициативу «террористической» цивилизации, не признающей никаких норм, законов, правил, договоров, которые оно считает чужими; 4) оно незаметно стало приниматься как субъект, с которым на равных ведутся международные переговоры!

Очевидно, что у нас новый взгляд на терроризм возник в связи с задержанием в Триполи российского политического консультанта, исследователя Максима Шугалея в такой форме и на таких основаниях, которые характерны для террористической акции. Он не преступник, нарушивший правила пребывания в Триполи, что могут подтвердить все должностные лица. Коллеги знают его как очень опытного и аккуратного специалиста, знающего все нормы работы в стране и за рубежом. Нам довелось быть свидетелем работы Максима Анатольевича, например, в Архангельской области, где климат весьма суров, а люди очень требовательны. Поэтому там может работать только человек с очень позитивными человеческими качествами. Профессионально контактируя со всеми заинтересованными сторонами, он выполнял все свои задачи без лишних вопросов и жалоб на обстоятельства. Главное – в своей работе он не создавал конфликтов. Поэтому очень трудно поверить, что у официальной государственной структуры Триполи были основания задерживать его и тем более прятать в жестоких условиях.

В связи с этим случаем, справедливости ради, надо сказать, что некоторые страны, считающие себя «цивилизованными», иногда делают то, что не соответствует выстраданной человечеством и принятой Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 года. До 1976 года вступили в силу международные пакты о правах человека. В частности, в ст. 2 Устава Организации африканского единства, принятом в Аддис-Абебе в 1963 году, говорится о том, что одной из целей организации является «содействие международному сотрудничеству с должным учетом положений Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека». Знают об этом в Триполи, и можно ли признавать Ливию членом международного сообщества, если она не выполняет Всеобщей декларации прав человека? Или нефтяные деньги не пахнут?

Оказалось, что в связи с терроризмом надо обсуждать возвращение в практику внутренней и внешней политики всеми осужденного такого инструмента управления, как страх. Политические лидеры новых поколений, наверное, не знают, какой ценой страх был практически удален из жизни общества, из международных отношений? Международные договоры, обязательства стали строиться на доверии и уважении. За это было заплачено кровью миллионов солдат двух мировых войн. Было. Как сейчас объяснить лицам, принимающим решения, чем закончилось использование страха как инструмента политики для многих их предшественников?

С удивлением прочитали во вступительной речи ведущего на одном круглом столе в Москве, что «страх имеет колоссальный позитивный потенциал, особенно в традиционных обществах – там, где люди воспринимают правила игры, руководствуясь привычкой или под давлением, но не путем свободного и сознательного выбора. Для них страх играет компенсаторную роль, заставляя держаться в определенных рамках... Начавшийся процесс разложения государственности, которое проявляется в постепенном ослаблении ее монополии на насилие, приводит к тому, что государство одновременно утрачивает монополию на производство страха». Если так продолжать дальше, что мы можем противопоставить терроризму? Страх против страха? А у террористов страха нет! Есть что обсудить научному сообществу.

Эта книга о терроризме – история страха (насчитывают 73 вида страха), его изощренных модификаций на протяжении веков, его уничтожения и нового возрождения. Главное – о том, как страх ломает судьбы людей и начинается войны. Это означает, что нельзя ослаблять внимание к использованию страха, к терроризму.

В народе говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Конечно, похищение Максима Шугалея и Самера Суэйфана, заточение их в тюрьму без предъявления им обвинений – это большое несчастье, и надо сделать все, чтобы их освободить. Конечно, это попытка запугать российских специалистов так, чтобы они отказались работать в Африке. Конечно, это акт шантажа руководства России под согласие «что-то признать» в обмен на освобождение российских граждан. Но если Триполи позволяет себе безо всякого опасения делать с российскими гражданами (!) все, что им захочется, то это сигнал другим странам: у граждан России нет защиты! Это вопрос для правительства РФ.

А с другой стороны, этот случай позволил стране узнать, какой ценой добывается информация для формирования российской политики в Африке, да и в других местах. Какие люди там работают. И в этой книге есть возможность увидеть часть их исследований, которые подчеркивают, что они занимались наукой, а не какой-то иной деятельностью.

В рамках своей научной задачи группа исследователей встречалась с председателем Госсовета Ливии Халедом Мишри, главой ПНС Фаизом Сарраджем, президентом Палаты представителей Ливии Агилой Салехом Иссой, Сейфом аль-Исламом Каддафи и множеством других людей, включая вождей племен. Обстановка в Триполи такая, что эту работу могут выполнить только такие бывалые политконсультанты, как Максим Шугалей, и ничего не могут сделать закрытые в посольствах дипломаты. Подобная информация является основанием для формирования политики России.

Пожелаем им благополучного освобождения и новых научных достижений!

2 Роль российских специалистов в изучении общественно-политической ситуации в Триполи

2.1 Обоснование необходимости проведения исследования

После арабской весны в Ливии, натовских бомбардировок 2011 года и убийства Муаммара Каддафи Государство Ливия из процветающей и самой богатой страны Африки превратилось в территорию террора, непрекращающихся междоусобных войн, разрухи и страха. Богатейшая нефтью страна стала местом противостояния мировых держав: США, Саудовской Аравии, ОАЭ, Турции, Италии, Франции, Катара, Египта, Великобритании и др.

В 2014 году фельдмаршал Халифа Хафтар начал военную операцию «Карам» (Достоинство), цель операции – борьба с терроризмом. Военная операция была успешной, Хафтар утвердил свою власть на востоке страны в Бенгази. Но мира не наступило, в разных частях страны бесчинствовали террористы, бандиты. Страна была разделена на части. На западе, в Триполитании, у власти было поддерживаемое ООН Правительство национального согласия под руководством Ф. Сарраджа (полномочия правительства Сарраджа истекли в конце 2018 года). На юге, в Феццане, в автономии остались племена тубу. И много-много мелких территориальных образований, где были свои правительства.

С начала 2019 год Халифа Хафтар начал планомерно сообщать об освобождении от террористов территории Ливии на юге страны. Как живет Триполи – стало фокусом внимания экспертной группы. **На работу группы возлагались большие надежды, так как это была единственная российская экспертная группа в Ливии, способная предоставить объективную картину происходящих общественно-политических событий. Данные социологических исследований, подкрепленные доказательной базой, должны были стать альтернативой мешанине пропагандистских информационных кампаний, организованных вокруг Ливии другими иностранными державами.**

Уже во время пребывания экспертной группы на территории Триполи, 4 апреля 2019 года, Ливийская национальная армия под руководством Халифы Хафтара начала полномасштабное наступление на Триполи, провозглашая антитеррористические цели. Однако правительство в Триполи не согласилось подчиниться Хафтару. Началась война за Триполи. Наши эксперты находились в эпицентре событий, в городе, оказавшемся в осаде, в нескольких километрах от линии фронта.

2.2 Технические характеристики исследования

Состав исследовательской группы: Максим Шугалей, Александр Прокофьев, Самер Суэйфан (переводчик).

Прибыли на территорию 14 марта 2019 года.

Александр Прокофьев вернулся в Россию 13 мая 2019 года.

Работа велась до 17 мая 2019 года.

Цель исследования: изучение общественно-политической ситуации в Ливии. После начала наступления Ливийской национальной армии на Триполи 4 апреля 2019 года исследование было сосредоточено на оценке гуманитарной ситуации, а также на проведении экспертных интервью.

Основные задачи исследования

1. Оценить общий настрой жителей Ливии.
2. Рассмотреть основные проблемы, волнующие население.
3. Рассмотреть отношение к ООН.
4. Изучить политические предпочтения граждан.
5. Исследовать степень ознакомления жителей с проектом Конституции.
6. Исследовать отношение к СМИ.
7. Изучить гуманитарную ситуацию после начала наступления на Триполи.

Комплексное исследование общественного мнения в Ливии состояло из трех последовательных этапов:

Этап 1. Кабинетное исследование – анализ документов, исторических источников, контента СМИ и социальных сетей. Начало этапа – 1 февраля

2019 года. На данный момент в ежедневном режиме проводится мониторинг новостей СМИ и социальных сетей Ливии.

Этап 2. Комплекс полевых исследований: опрос, фокус-группы, глубинные полустандартизированные интервью с жителями Ливии. Сбор данных проводился с 1 марта по 1 апреля 2019 года.

Этап 3. Сбор экспертных интервью с политиками, влиятельными людьми региона, представителями силовых структур, представителями бизнес-элит и т.д.

2.3 Арест российских социологов и попытки переговоров

Как стало известно из достоверных источников, на арест российских граждан поступил заказ от главы ПНС Ливии Файеза Сарраджа. Важно отметить, что социологи работали легально, не скрывались, оформили сим-карты на свои имена в главном офисе телекоммуникационной компании ALMADAR – единственное место, где иностранец может оформить на себя сим-карту. Кроме того, они на свои имена арендовали машину и жилье. Когда поступил заказ на их арест, ливийские спецслужбы установили район их местонахождения по биллингу их сим-карт. Задержание проходило глубокой ночью, около 03:30 по местному времени. Захват осуществляли боевики из 166 батальона ополчения Мисураты. Вооруженные бандиты залезли в неохраняемый дом и, не предоставив ни адвокатов, ни возможности сделать телефонный звонок, увезли двух членов группы, Максима Шугалея и Самера Суэйфана, в неизвестном направлении (Александр Прокофьев покинул страну накануне). Также они похитили арендованную машину и все ценные вещи. Далее Шугалей и Суэйфан были переданы **Специальным силам сдерживания** под командованием Абд Аль-Рауф Кары. Его группировка не могла осуществить захват в районе проживания социологов, так как данная территория входила в зону контроля враждебной им Зинтанской бригады. Поэтому им пришлось нанять для этой цели мисуратовцев.

В настоящее время Максим Шугалей и Самер Суэйфан содержатся в тюрьме «Митига», контролируемой Специальными силами сдерживания (ССС), которые формально входят в структуру МВД ПНС Ливии. ООН

обвиняет ССС и их руководителя Абд Аль-Рауф Кару в нарушении прав человека из-за пыток, незаконных арестов и казней.

2.4 Переговоры по поводу освобождения

Была проведена телефонная беседа с Халедом аль-Мишри, главой ВГС ПНС. Халед аль-Мишри сообщил, что задержание произошло из-за встреч исследовательской группы с Сейфом аль-Исламом Каддафи, который на данный момент формально является врагом ПНС. Однако он договорится об освобождении российских граждан с премьер-министром ПНС Файезом Сарраджем, если президент России Владимир Путин встретится с Сарраджем и заявит о признании ПНС, как легитимного правительства Ливии, и противозаконном и нелегитимном характере военных действий ЛНА под руководством Халифы Хафтара. Он настоятельно рекомендовал не пытаться решать вопрос по освобождению российских граждан с правоохранительными органами ПНС, а также заявлять о факте задержания публично.

Все контактные лица, пытавшиеся вступить в переговоры с министром внутренних дел Фатхи Башагой, переадресовывались к Абд Аль-Рауф Каре, который запросил посредника на территории Триполи. В качестве такового согласился выступить Мухаммед Треки, известный ливийский общественный деятель из Мисураты, участник конференции в Палермо, сын бывшего министра иностранных дел Ливии и председателя Генеральной Ассамблеи ООН. Занимается предпринимательством, много раз был в России, имеет тесные связи в российской бизнес-среде. Во время своих многочисленных визитов в Россию он встречался с сотрудниками Фонда защиты национальных ценностей, обсуждал возможности реализации гуманитарных проектов в Ливии.

Мухаммед Треки пытался выяснить подробности задержания, условия содержания и перспективы освобождения наших граждан, а также передать лекарства для пережившего инсульт Максима Шугалея и больного диабетом Самера Суэйфана. Мухаммед отправился в Ливию, через несколько дней связь с ним пропала, а еще через несколько дней его жена сообщила, что он был арестован. Несмотря на то, что он принадлежит к уважаемой ливийской семье, при его задержании были нарушены основополагающие права человека, и только через несколько дней ему разрешили позвонить жене.

Кроме того, предоставленный его семьей адвокат был также задержан. После чего все адвокаты отказываются работать по его делу. Также арестованы директор туристической фирмы, через которую были оформлены деловые приглашения для российских граждан, Абдульмаджид Холь, известный общественник из Триполи, который предоставлял контакты старейшин, содействовал работе группы. Шестнадцатилетний сын Абдульмаджиды был задержан, допрошен и выпущен через несколько дней. Допрошен хозяин дома, где жила экспертная группа. Важно отметить, что допросы в Ливии сопряжены с многочисленными нарушениями прав человека.

2.5 Юридическая защита Максима Шугалея и Самера Суэйфана

Фонду защиты национальных ценностей удалось найти адвоката, согласившегося представлять интересы Максима Шугалея и Самера Суэйфана. Их защитником стал Мухаммад Али Айада. Однако за все время ему удалось встретиться со своими подзащитными лишь один раз, 6 октября 2019 года. Встреча была проведена в присутствии и под контролем членов группировки ССС. Шугалею и Суэйфану были переданы письма от родных и предоставлена возможность написать ответные. Было заметно сильно ухудшившееся физическое состояние обоих социологов. Со стороны официальных органов ПНС Мухаммаду Али Айаде до сих пор не предоставлены никакие материалы по делу. По его данным, никакого уголовного дела в Генеральной прокуратуре Ливии в отношении Максима Шугалея и Самера Суэйфана не заведено. Все заявления о вмешательстве в выборы, участии в вооруженном конфликте на стороне ЛНА делаются исключительно в публичных заявлениях лидеров ПНС и в СМИ.

Никаких возможностей для других контактов, в том числе с представителями МИД Российской Федерации, ливийской стороной предоставлено не было.

2.6 Поддержка на родине

13 февраля 2020 года Фонд защиты национальных ценностей запустил бессрочную акцию протеста в поддержку российских социологов Максима Шугалея и Самера Суэйфана, незаконно удерживаемых в неофициальной ливийской тюрьме «Митига».

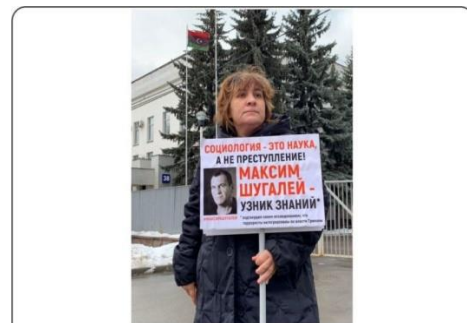
Марафон одиночных пикетов у посольства Государства Ливия в Москве (Мосфильмовская ул., 38) в знак протеста против похищения Максима Шугалея и Самера Суэйфана проходит ежедневно с 8 утра до 20 вечера. В мероприятии уже приняли участие блогеры, представители различных СМИ, общественники и политики. Присоединяйтесь и вы! Телефон оргкомитета: +7(925) 926-14-86.

Аль-мас Гамиль Фатех Али
Журналист, интернет-портал Спутник

Вострецов Сергей
Депутат Государственной думы Российской Федерации, лидер крупнейшего независимого профсоюза России СОЦПРОФ

Митина Дарья
Сопредседатель Российского комитета солидарности с народами Ливии и Сирии, депутат Госдумы РФ второго созыва.

3 Терроризм как социальное явление

3.1 Классические определения терроризма

Профессор Я. И. Гишинский утверждает, что «нет единого понимания терроризма и в общественных науках». Он пишет, что «вот лишь некоторые из имеющихся определений, всего их насчитывается свыше ста» (Cassese A. / Terrorism, Politics and Law. 1988. С. 3):

- «Систематическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества насилием» (Чаликова В. 50/50. Опыт словаря нового мышления. 1989. С. 309)
- «Форма угрозы насилием или применения насилия по политическим мотивам» (Das neue taschen Lexikon. 1992. С. 59)
- «Применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей» (Шнайдер Г. Й. Криминология. 1994. С. 439);

- «Насильственные действия или угроза их применения со стороны субъектов политики и преследование ими политических целей» (Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. 2000. С. 40)

- «Систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей» (Laqueur W. Terrorism. 1977. С. 79)

- «Метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников» (Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: Социополитический анализ. 2000. С. 53).

Из приведенных и других многочисленных определений вырисовываются прежде всего **два основных признака терроризма**:

1) применение или угроза применения *насилия*;

2) его политическая *мотивация*.

Но есть, очевидно, еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг непосредственных объектов* террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц (ни в чем неповинных людей) ради достижения отдаленного объекта – удовлетворения политического (экономического, социального) требования. Ибо «о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика» (Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. 1998. С. 8).

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание еще Laqueur: «Один – террорист, другой – борец за свободу» (Laqueur W. The Age of Terrorism. 1987. С. 302). Эта тема подробно рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму В. Ganor (Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? 2002. С. 287). Как различить

терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? Слишком многое зависит от позиции субъекта оценки тех или иных насильственных действий по политическим мотивам. Вместе с тем Ganor пытается провести различия между анализируемыми феноменами. В приводимых и обосновываемых им схемах вначале отграничиваются *объявленная война* – между государствами и *необъявленная война* – между организациями и государством. Последняя включает, прежде всего, *терроризм* и *партизанскую войну*. Кроме того, к необъявленной войне могут относиться деятельность анархистов, борцов за свободу, революционеров, а также действия *ad hoc* (по конкретному случаю).

Важнейшее различие между терроризмом и партизанской войной состоит в том, что *партизанская война* ведется *против вооруженных сил*, военных и техники, тогда как *терроризм* направлен *против мирного населения*, «некомбатантов» (*noncombatant*) при сохранении политической мотивации насильственных действий. Это различие представляется весьма существенным и позволяющим конкретизировать некоторые оценки. Другое дело, что и предлагаемое различие несколько условно (мирное население может также оказаться жертвой партизанских действий, как, впрочем, и «точечных ударов»). Во всяком случае, Ganor называет три важнейших элемента терроризма: (1) применение или угроза применения *насилия*; (2) *политические цели* (мотивы) деятельности; (3) реальными целями оказывается *мирное население*, граждане (Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? 2002. С. 294).

Обычно различают террор и терроризм:

1. *Террор* со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам).

2. *Терроризм* как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв “государственного террора”» (Чаликова В. 50/50: Опыт словаря нового мышления. 1989. С. 314).

Иначе говоря: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых;

терроризм – это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного» (Бернгард А. Стратегия терроризма. 1978. С. 23).

Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют – осознанно или нет – интересы массы exclusive («исключенных») в современном мире.

Забегая вперед, скажем, что данная точка зрения является скорее устаревшей, а также стоит на позиции «героизации» террористов, как борцов за права «слабых» и незащищенных перед «сильным» государством. В настоящее время данный подход совершенно не отражает реальность, где терроризм вторгается в инфраструктуру существующих государств, создает свои государства и всячески стремится легализовать себя во власти, захватить власть.

Терроризм с точки зрения политической психологии – это борьба нелегитимной власти против легитимной с помощью средств и методов давления на психическое состояние противника. Инструментом терроризма является заражение противника психолого-политической нестабильностью, которой страдает сам террорист (Юрьев А. И. Политическая психология терроризма. 2004).

3.2 Политическое определение терроризма

Терроризм определен законом как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения имущественного ущерба или наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» (ст. 205 УК РФ). Именно силовые структуры имеют право вести против него вооруженную борьбу. Этим определением все остальные институты общества отстранены от проблемы антитеррора.

Проблема терроризма тем не менее является всеобщей, потому что он делает своей жертвой любого и каждого человека, даже без всякой его связи с врагами террористов. Тем более что сегодня на каждую копейку терроризма тратятся миллионы долларов антитеррористов без видимых успехов. Поэтому

обществу не мешает подумать о тех механизмах терроризма, которые не входят в компетенцию силовых структур, но знание которых может оказаться полезнее, чем дорогостоящие силовые операции.

3.3 Терроризм как социальное явление, маскирующееся под войну

Когда глобализация открыла техносферу, как инструмент вооруженного нападения, сравнимого по своей разрушительной мощи со специально созданным оружием, и само оружие массового поражения стало доступно для террористов, стало ясно, что терроризм – это разновидность войны.

Во-первых, считается, что «война – это социальное явление, представляющее одну из форм разрешения общественно-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами, средствами вооруженного насилия» (Политология. Энциклопедический словарь. / Под ред. Аверьянова Ю. И. — М., 1993). Если верить этому определению, то терроризм подпадает под определение войны.

Во-вторых, война ограничена условиями, которые именуется, как «право войны» (правовые ограничения, которые международное право налагает на воюющих в деле применения средств подавления неприятеля), «международное военное право», «обычай войны», «законы войны» (ограничения, установленные международным правом, в пределах которых возможно применение силы для поражения противника). В современной цивилизации для признания войны войной применяются «право Гааги» (1907), «право Женевы» (1949), Гаагская конвенция 1954 года. Юридически война регулируется тремя группами норм: 1) защита гражданского населения, раненых, больных, военнопленных, правовой режим военной оккупации, меры по защите культурных ценностей; 2) порядок объявления войны, театр войны, состав вооруженных сил, прекращение войны; 3) запрещение химического и бактериологического оружия, запрещение любого оружия, причиняющего излишние страдания. Если следовать этим положениям, то терроризм, конечно, не война.

В-третьих, с середины XX века войной считается форма насилия, если оно объявлено в установленной форме и его исполнение осуществляется по согласованным правилам комбатантами – лицами, входящими в состав вооруженных сил одной из воюющих сторон и непосредственно ведущими боевые действия против неприятеля с оружием в руках. Но террористы не входят в состав признанных вооруженных сил, не носят форму, не имеют званий, не знают и не признают никаких «законов войны». «Незаконные комбатанты» не подпадают даже под спорную категорию «партизан», которые «не признаются законно воюющей стороной, и с ними не следует обращаться, как с военнопленными». Если следовать этой норме, то терроризм не является войной, потому что ведется «незаконными комбатантами».

В-четвертых, под войной понимаются «действия против неприятеля с оружием в руках». Естественно, имеются в виду орудия убийства, изготовленные промышленным образом, принятые на вооружение и признаваемые оружием различными конвенциями. Но орудия убийства «незаконных комбатантов» часто изготавливаются кустарным образом, в этом случае они являются подделкой известных видов вооружения. Более того, события 11 сентября 2001 года на Манхэттене показали, что «незаконные комбатанты» используют в качестве орудий убийства любые технические системы мирного назначения. Они нарушают правила функционирования технической системы, и она начинает выполнять несвойственную ей функцию оружия – средства убийства, разрушения. В таком качестве может выступать абсолютно все: энергетические, транспортные, перекачивающие, информационные системы мирного назначения. Причем степень опасности применения мирных систем в качестве военных может достигать до эффективности оружия массового поражения. С этой точки зрения терроризм лишь формально не является войной.

В-пятых, война, в представлении научной общественности, это столкновение на поле боя воюющих армий, флотов, в которых военные защищают мирное население своей страны. Но чем больше разговоров о соблюдении «права войны», тем более преступной война становится. В подтверждение версии можно привести натуральные показатели из истории войн (Арцибасов И. Н. 1989. С. 128). Например, во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов удельный вес потерь среди гражданского населения

был всего 2%. А во Второй мировой войне эти потери возросли до 48%, что в 50 раз больше, чем в годы Первой мировой войны. Во время корейской войны удельный вес потерь среди гражданского населения достиг уже 84%, во время войны во Вьетнаме – 90%, а в ходе ливанской войны 1982 года составил 95%! При ближайшем рассмотрении выясняется, что цивилизованная война в моральном смысле ничуть не лучше, чем терроризм, и объектом военной агрессии является мирное население в той же мере, что и у террористов. В этом смысле терроризм – это война.

И, наконец, шестое – главное: военная победа имеет целью психологическое подавление воли противника к сопротивлению. «Огневая война» с кровью, болью, шумовыми и дымовыми эффектами – простейший способ вызвать страх, панику, привести к утрате сознания, сдаче в плен. Испугавшись огня, дыма, грохота, кровавых сцен, противник прекращает сопротивление и принимает условия победителя – война прекращается, цель достигнута. А кровавые сцены огневой войны направлены на разрушение мышления человека, лишение его воли, возникновение неуправляемых аффективных состояний, уничтожения стандартов поведения гражданина и человека. Вся мощь атомных бомб, реактивных снарядов и противопехотных мин – только для превращения «человека сопротивляющегося» в «человека сдающегося». Современный терроризм не использует для достижения своих целей массовых кровавых сражений – глобализация дала ему огромный спектр изменения поведения противника косвенными, опосредованными методами. В этом смысле война и терроризм – близнецы-братья.

Терроризм оказался очень эффективной и экономичной версией войны: с минимальными военными затратами на максимальную дестабилизацию состояния населения страны-противника. Целью дестабилизации является смена руководства страны-противника, изменение политического курса страны-противника, использование ресурсов страны-противника в своих интересах. Главные принципы: 1) ничто военное не транспортируется – средства поражения находятся на территории противника; 2) никто из нападающих не обнаруживается – исполнители терактов легально рассредоточены по всей территории противника; 3) ничто военное не производится – в качестве средств поражения используются гражданские техносферные системы и вооружение противника; 4) никто не обнаруживает

руководства терактами – вместо иерархических систем управления боевыми действиями создана самовосстанавливающаяся система сетевого управления; 5) ничто не выдает роли, намерений исполнителей терактов – нет должностей, званий, знаков различия; 6) нет затрат на дорогостоящую военную пропаганду, агитацию, пиар – используется многовековая идеология, естественно противостоящая политической идеологии глобализации; 7) нет отрицания современной реальности, а есть использование ее в своих интересах – открытое общество, мир без границ, научно-техническая революция применяются обратным образом, но быстрее и эффективнее, чем это делают страны-создатели социальных и научно-технических инноваций.

В основу терроризма положена биополитика, проявляющаяся в росте численного превосходства, в противовес социополитике его жертвы, которая целиком сосредоточена на достижении качественного превосходства своих граждан. Инструментом терроризма является психологическое превосходство над противником, который не знает: что, где, когда, как, зачем будет нанесен очередной удар. Терроризм – это война нервов, рассчитанная на долгосрочную перспективу и на глобальные масштабы ее осуществления. Терроризм, как и «цивилизованная война», побеждает не на полях сражений, а во внутреннем пространстве психики человека. Для того чтобы изменить поведение одного человека или больших масс людей, совершенно не обязательно их всех убивать или ранить, достаточно изменить содержание и состояние их сознания.

3.4 Психологические механизмы терроризма

Терроризм, как незаконная разновидность войны, стремится породить страх у всех и каждого для достижения политической, экономической, культурной капитуляции перед его идеями, которые представляются оппонентами иррациональными. Это довольно легко сделать, потому что страх – естественное и постоянное состояние каждого человека, но чаще всего находящееся ниже порога его восприятия: надо только повысить его интенсивность. Вся организация современной жизни построена и на страхе каждого перед мягкими или жесткими формами наказания за неисполнение регламента жизни, установленного государством, обществом, конкретными людьми. «Шаг влево» – и лишение средств к существованию, жилища,

свободы, репутации... Страх является такой же обычной средой обитания человека, как вода для рыбы.

Есть позиционное переживание страха и методы его избегания, описанные Л. Н. Толстым: «Иногда Пьер вспоминал о слышанном им рассказе о том, как на войне солдаты, находясь под выстрелами в прикритии, когда им делать нечего, старательно изыскивают себе занятие для того, чтобы переносить опасность. И Пьеру все люди представлялись такими солдатами, спасающимися ОТ ЖИЗНИ: кто честолубием, кто картами, кто писанием законов, кто женщинами, кто игрушками, кто политикой, кто охотой, кто вином, кто государственными делами. Нет ни ничтожного, ни важного, все равно; только бы спастись от *нее*, как умею! – думал Пьер. – Только бы не видеть ее, эту страшную *ее*» (Собр. соч. в 22 тт. Т. 4. Война и мир. С. 307.).

Есть философское переживание страха, описанное Б. Паскалем: «Я не знаю ни того, кто меня создал, ни того, что есть этот мир, ни того, что он есть я сам. Я в страшном невежестве, незнании всех вещей; я не знаю, что есть моя жизнь, что есть мои чувства, что есть моя душа – сама часть меня, которая думает то, что я говорю, которая размышляет обо всем и о себе самой и познает себя не лучше, чем все остальное. Я вижу эти страшные пространства Вселенной, охватывающие меня, и я вижу себя связанным в одном углу этой неизмеримой бесконечности и не знаю, почему я именно в этом месте, а не в другом и почему тот отрезок времени, который называется жизнью, привязан именно к этой, а не к другой точке вечности, которая мне предшествовала и которая будет после меня. Я вижу кругом только бесконечности, которые меня охватывают, я как тень, которая длится одно мгновение и не возвращается» (Paskal B. Oeuvres. V. 1–14. — Paris, 1904–1914; V. 8, 9. — Paris, 1908).

Есть ситуативное переживание страха, объясненное А. Тоффлером: «Под влиянием новых переживаний и ощущений психически здоровый человек перестает отличать реального от искусственного. Почва уходит у него из-под ног, ибо само определение нормальной психики, нормальной жизни перестает считаться нормальным. Поток изменений вносит невиданные осложнения в жизни людей, которые становятся жертвами футурошока. В будущем человека ждет мир, в котором нет ничего общего с тем миром, к которому он привык... Если бы только одна техника сорвалась с цепи, то и тогда наше положение было бы достаточно трудным. Смертельная опасность

состоит в том, что и другие социальные процессы бросили узду и бешено мчатся в неизвестном направлении, отказываясь подчиниться всем нашим попыткам управлять ими» (Toffler A. Future Shock. — L., 1971).

С таким сильнейшим чувством, как страх, жить невозможно – его надо опускать ниже порога восприятия. Борьба со страхом породила всю современную цивилизацию, все объясняющую и от всего защищающую. От болезней, от ударов стихии, от произвола сильного, от несправедливости и т. д. Незащищенный от страха человек пытается защититься алкоголем, наркотиками, преступным поведением, а если не получается и это, то заболевает психически или соматически. Именно страх порождает употребление алкоголя, наркотиков, преступность, суицид, соматические и психические заболевания. Природа человека наделила его мощнейшим противоядием против страха перед жизнью, которое именуется смыслом жизни. Эффективность смысла жизни в том, что человеку нужно что-то такое, *ради чего* стоит жить. Продуктивность смысла жизни заключается в том, что тот, у кого есть, для чего жить, *может выдержать* почти любое – как жить? Страх отступает перед смыслом жизни еще и потому, что жизнь служит *цели* и таким образом имеет смысл, который выходит за пределы собственного «Я». Человек со смыслом перестает бояться за себя: он осознает и переживает чувство ответственности по отношению к кому-то или чему-то.

3.5 *Терроризм доглобальных времен – мировоззренческая несовместимость*

«Беспорядок нельзя автоматизировать», – сказал профессор В. А. Ганзен в 1974 году, во время оптимизации управления одним крупным ленинградским предприятием. Никакие научные системы управления не воспринимались предприятием, потому что его руководители считали их покушением на некие первоосновы общества и морали. Работу пришлось прекратить: сегодня этого предприятия с персоналом в 12 тысяч человек не существует. Нечто подобное происходит в отношениях двух миров, которые представлены терроризмом и антитерроризмом. И та и другая сторона воспринимают друг друга, как носители катастрофического беспорядка, который им пытается навязать противоположная сторона. Поэтому упрощение проблемы терроризма до уровня стандартных военных действий является

ошибочным и бесперспективным. Развязывать узел военного противоборства необходимо на уровне его завязывания – на уровне психологической несовместимости систем, которая не достигается силой оружия.

Сегодняшняя ситуация «террор – антитеррор» в истории не новая: несовместимость миропонимания периодически приводила к ожесточенным кровавым противостояниям, о которых просвещенному XXI веку не годится забывать. Например, Мани (350), Арий (324), Либерий (360) противостояли Афанасию Александрийскому, создателю Нового Завета (Библия с комментарием (393)). Спор шел о необходимости различения истины, которая кажется истиной в глазах человеческого мнения, и настоящей истины, которая является таковой благодаря человеческой вере. Августин Блаженный утверждал, что начало зла в душе – своеволие. Воля, свободная в своем решении, является причиной того, что человек творит зло. Следствием этой борьбы стал грандиозный раскол христианства (343) и объявление взаимной анафемы Римской католической и Византийской православной церкви (послание Гумберта, 1054). Например, в 1517 году Мартин Лютер объявил свои 95 тезисов, положивших начало движению протестантов. Уже в 1520 году появляется в Саксонии секта менонитов. В 1532 году происходит разрыв Англии с Римом и начинается движение англикан. В 1592 году происходит признание кальвинизма государственным вероисповеданием в Шотландии, дающее начало движению пуритан, и т. д.

Несовместимость миропонимания всегда перерастала в кровавые столкновения. Например, вот некоторые из них: 416 год – введение смертной казни за жертвоприношение идолам; 1022-й – первая массовая казнь еретиков в Орлеане; 1144 и 1165 годы – подавление ереси катаров; 1099, 1147, 1159, 1204 годы – крестовые походы; 1111 год – сожжение богумила Василия; 1314-й – разгром Ордена тамплиеров; 1415-й – сожжение Яна Гуса; 1431-й – казнь Жанны д'Арк; 1233-й – создание инквизиции для борьбы с ересью в Лангедоке; 1442-й – процессы против колдунов; 1548-й – начало религиозных войн в Германии; 1592-й – Варфоломеевская ночь во Франции; 1595-й – восстание казаков против Унии; 1648 год – восстание Хмельницкого. Смутное время 1602–1612 годов и воцарение Романовых. Английская революция 1640–1660 годов. В 1668–1676 годы – осада Соловков, религиозная война в России.

В 1775–1788 годы – война за независимость Америки и образование США; и т. д.

Терроризм непрерывно меняется, успешно адаптируясь к новой социальной и политической реальности. Уже нет тех «суицидальных атак, которые предпринимались в античные времена различными сектами, например, древними евреями против римлян, Исламским орденом против участников крестовых походов, и т. д. В средневековой Европе политически мотивированные убийства были обычной практикой борьбы за власть. Примерами являются семейство Борджия в Италии, семейство Медичи в Италии и Франции, семья Романовых в России (почти все императоры были убиты), террористические практики тайных орденов. Политический терроризм временами сменялся политическим террором со стороны власти (Французская революция). В XIX — начале XX века политический терроризм стал обычной практикой революционеров, таких как народовольцы, анархисты, эсеры, националисты (например, в Шотландии), в Восточной Европе. В 1930–1940 годах XX века государственный политический террор в России и в Германии практически уничтожил терроризм. Однако уже в 1990-е годы в результате смены политического режима терроризм в России стал обычным способом разрешения экономических противоречий (зафиксировано несколько тысяч заказных убийств в год). В эти же годы начинается расцвет исламского и другого этнического терроризма в США, России, Японии, Африке, Испании и т. д. К этому же периоду относится начало систематического использования террора с различными неполитическими целями в разных странах (террористы-школьники, унибомбист, трагедия Оклахомы). 2000-е годы принесли серию актов политического терроризма, в первую очередь 11 сентября 2001 года в США, пробудивших западное общество. Вместе с этим ответные антитеррористические операции (акции возмездия), нацеленные на искоренение терроризма, пока далеки от выполнения намеченных целей» (С. В. Цыцарев).

Терроризм прошел исторический этап «доглобального периода своей истории: «Безусловно, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризм решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. Но не существует «простых решений» сложных социальных проблем. Так называемые «простые решения» (типа

«ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к осложнению ситуации. Можно (и нужно) «бороться» с отдельными исполнителями терактов, например, с угонщиками самолетов, киллерами, лицами, закладывающими взрывные устройства, но нельзя уголовно-правовыми или карательными мерами устранить причины, источники терроризма, как результата острых или затяжных социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов. Не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали прежде всего в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах: Италии («Красные бригады»), Германии («Красная армия», неонацисты), Японии (Японская революционная красная армия), Испании, Югославии, России, а также в странах с тоталитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем. Из 79 известных к 1990 году террористических организаций 37 принадлежали по своей идеологии к марксистским, ленинским, троцкистским, маоистским, 9 представляли различные направления панарабского и исламского фундаментализма, 7 служили примером удивительной смеси панарабизма и марксизма, 4 относились к правозэкстремистским и неофашистским. Разумеется, это соотношение претерпело существенные изменения к сегодняшнему дню. Количество известных террористических организаций увеличилось, доля «левых» сократилась за счет увеличения «правых» и исламских». (Я. И. Гишинский).

Сегодня мир находится на новом витке цивилизации, и поэтому миропонимание изменяется очень жестоко к миллионам людей, целых стран и народов, которым нет места в новом изменяющемся мире.

3.6 Терроризм времен глобализации – борьба за место в жизни

Новый терроризм получил новые возможности для политической борьбы с властью от глобализации. Большинство знает о глобализации то, что она – воплощение идеи, по которой все государства и народы сольются в единое планетарное образование. Но камнем преткновения для глобализации

являются этнические, национальные, религиозные и культурные границы, против которых она ведет борьбу по всей планете. Исход этой борьбы неизвестен. Противники глобализации предполагают, что она спроектирована «яйцеголовыми» из «мозговых центров» США: Совета по международным отношениям (СМО), корпорации РЭНД, Центра стратегических и международных исследований (ЦСМИ), Управления психологической стратегии (УПС) и др. В качестве обоснования приводят широкомасштабный проект «Перспективы для Америки», созданный в середине 1950-х годов при участии Генри Киссенджера, Дина Раска, Адольфа Берла и других, где были изложены теоретические положения роста взаимозависимости в мире, упадка национально-государственной формы власти, расширительной трактовки проблем безопасности, обоснование перехода к наднациональным структурам в международном масштабе и т. п.

Так это или не так, глобализация ведет наступление по четырем направлениям: 1) информационная глобализация (виртуализация); 2) экономическая глобализация (инновационность); 3) региональная глобализация (мир без границ), демографическая глобализация (стабилизация населения Земли).

Глобализация – новая форма миропорядка. Своей властью глобализация поставила все страны мира в известность, что существующий мировой порядок является неэффективным. Сегодня это проблемы ЕС, вероятный дефолт Греции, Испании, Италии и др. Глобализация обнажила предстоящие экологические, энергетические, психологические, демографические катастрофы – аргументы ее признания. До появления «фронта глобализации» никто не думал, что вялотекущий много веков процесс объединения человечества в единое целое внезапно станет главной мировой проблемой. Произошло это в результате одномоментного в историческом масштабе времени появления «мировой паутины» из информационных, финансовых, транспортных, энергетических коммуникаций, объединенных в единое целое. «Мировая паутина» приступила к своеобразной «мировой инвентаризации», итоги которой сравнимы с последствиями так и неосуществившейся Всемирной революции: изменяется роль, место, цена каждой страны, каждого народа, каждого человека и каждой вещи. Оценка, расчет, а не субъективное

мнение управляет глобализацией. Несогласие с ней означает: кто не в глобализации – тот вне новой цивилизации.

В XXI веке борьба вокруг глобализации обострилась. В мире выстраивается «цифровая цивилизация», которая очень жестока к миллионам людей, целых стран и народов, потому что она не оставляет им места в новом изменяющемся мире. Именно поэтому «терроризм сегодняшнего типа» надо рассматривать как порождение глобализации, как ее естественное отражение – она создала новые поводы для развития терроризма.

Теоретики глобализации говорят, что это превращение мира в единое целое по формуле: «глобальная взаимозависимость плюс глобальное сознание». Глобализация породила такие изменения в жизни людей, которые делают несовместимыми целые народы и страны: антропокосмизм, опыты по биотической регуляции, по созданию искусственных микробиосфер, материализации электронно-кибернетической цивилизации, влиянию биополитики, опытов по автотрофикации, киборгизации, экогеизма, коэволюции и др.

Создалось два мира: терроризм и антитерроризм, Они воспринимают друг друга как носители катастрофического беспорядка, который им пытается навязать противоположная сторона. Изменение сознания под давлением глобальных изменений в мире – это восприятие невозможного возможным, невероятного вероятным, недопустимого допустимым, нереального реальным. Глобализация производит целую систему изменений во внутреннем мире человека.

Это означает, что глобализация требует от самого человека измениться – изменить свое сознание, то есть человек должен принять новую Картину Мира, сформировать новое Мировоззрение, занять новую Жизненную Позицию, начать новый Образ Жизни.

Хотя это константы психологической системы защиты человека от опасностей жизни, которые защищают его психику, как скафандр защищает водолаза при спуске под воду.

Вокруг именно этих требований глобализации завязалась борьба, одним из проявлений которой является терроризм. Иначе говоря, борьба идет не за

территорию, не за ресурсы, не за экономические позиции, а за содержание сознания. Пока же картина мира, мировоззрение, образ жизни, жизненная позиция террористических и антитеррористических сил несовместимы, потому, что это сложная системная работа, и легче применять оружие для принуждения, чем интеллект для доказательства.

3.7 Психологическое происхождение терроризма (по проф. А. И. Юрьеву)

Терроризм сегодня признается вечной социальной болезнью, которые появляются на всех уровнях цивилизации, при всех политических режимах, как только общество ослабевает. К социальным болезням относятся коррупция, уголовная преступность и др. Осталось только признать, что все они имеют происхождение в природе человека, который в одних обстоятельствах может быть подобием Бога на Земле, а в других – отъявленным злодеем. В базальную психологию человека заложены несколько констант, которые нуждаются в непрерывном регулировании методами не только права, но и методами культуры, искусства, образования. Как только государство снимает с себя ответственность за эти методы контроля, так общество заболевает вечными социальными болезнями, которые завершаются гибелью породивших их политических систем. Когда появляется коррупция и терроризм – на горизонте революция или война. Иначе говоря, терроризм порождает неумелая внутренняя и внешняя политика, которая вольно или невольно пробуждает древние инстинкты человека, которые по необразованности многими считаются изжитыми за счет достижений цивилизации. Примером является «либидо», которое описано Зигмундом Фрейдом и актуально 100 лет назад, но которое всплыло, как только для этого появились благоприятные для него условия в виде Интернета, более чем наполовину состоящего из самой гнусной порнографии, отражающей нечто, происходящее в толще человеческого общества.

Психология, окрыленная научно-техническим прорывом XX века, занималась в основном адаптацией человека к техносфере, и очень мало внимания обращала на «дремлющие» инстинкты человека, которые ныне пробуждаются, нарушая благообразный политический порядок. Не исключено, что назревает нечто, описанное в гениальном исследовании В. М. Бехтерева, в «Коллективной рефлексологии», которые оказались

забыты, как исторические факты, и не более того. Масштабы терроризма наших дней вынудят психологию и практику обратить внимание на коллективную рефлексологию, до которой не доходили руки, да и нужды в этом не было – долго хорошо жили.

Для понимания психологии терроризма надо выйти за рамки позитивизма, который оперирует только фактами и их математической интерпретацией, и снова заглянуть в метафизические глубины психики человека, которые исключительно активно используются организаторами терактов и которыми не менее активно пренебрегают борцы с терроризмом. К этому побуждает появление многочисленных террористов-смертников, и то, что они предпочитают быть убитыми в своем последнем бою, чем сдаться и сохранить себе жизнь. Особое внимание привлекает, что на место погибших террористов встают новые, готовые умереть за свои идеи. Позитивизм ошибочно объясняет эти факты платой, угрозами, суггестивным воздействием на смертников-террористов, обязательствами перед своим родом и т. д. Истоки готовности убить ценой своей жизни лежат много глубже в психике человека, чем такого рода объяснения.

Понять психологические основы такого терроризма можно только, если по новому обдумать его происхождение с позиций метафизики, идеалистической и материалистической психологии. Откуда-то оттуда, из глубин психики человека, появляются потребности, мотивы, поступки, террористов, их беспредельное равнодушие к смерти незнакомых людей, ни в чем не виновных перед ними. Терроризм – это целостная система психологической реакции людей определенного типа на определенные социальные обстоятельства. Пока некоторые аспекты этой системы были отвергнуты неопозитивистской психологией, как не отвечающие политическим реальностям глобализации.

При таком расширенном психологическом наблюдении за поведением людей, замеченным в особом стиле поведения, легко обнаруживаются психологические типы *максималистов и минималистов, которые склонны после социально-политических метаморфоз появляться в виде экстремистов и террористов.* Эти типы легко обнаруживаются еще в детском возрасте, но под влиянием гуманитарного воспитания и образования, воздействия классической культуры, науки и искусства становятся

«псевдотеррористами для избранного вида профессиональной деятельности». Именно они трансформируют представления о границах возможного во всех областях человеческой деятельности силой своей самоотверженности, таланта и даже гениальности. Эти свойства и есть часть глубинных констант человека, которые уравниваются только в процессе успешного воспитания и гуманитарного образования.

Максимализм – это врожденная психологическая крайность в определении (чаще всего интуитивном) смысла, цели и ценностей своей жизни. В случае максимализма смысл, цели и ценности человека лежат за пределами возможного и допустимого, что приводит к лавинообразному нарастанию конфликтов с людьми и самой жизнью. В случае если врожденный максимализм не удалось скорректировать и перенаправить в адекватном направлении гуманитарным образованием, он из латентного свойства перерастает в юношеском возрасте в очевидное экстремистское поведение, а в случае обострения – в прямые террористические действия. Гуманитарное образование прекрасно тем, что оно учит решать естественные трудности взаимодействия с людьми и государством бесконфликтным способом, исключая преодоление этих трудностей с помощью силы. Гуманитарное образование перенаправляет максимализм в русло научных, культурных, созидательных подвигов, совершаемых для людей, а не против них. Все выдающиеся достижения человечества созданы максималистами, но и все преступления против человечества осуществлены тоже максималистами. Положительный максимализм – это самопожертвование во имя сохранения жизни людей, отрицательный максимализм – это принесение чужих жизней в жертву своим смыслам, целям и ценностям, то есть терроризм.

Минимализм – это такая врожденная психологическая крайность в постановке своих жизненных смыслов, целей и ценностей, которые предполагают отречение от любых мирских достижений. В этом случае смысл, цели и ценности человека находятся ниже человеческих потребностей, в некоторых случаях отрицается потребность в самой жизни. Минимализм вступает в противоречие со всем ходом современной цивилизации и самой природой человека. Без гуманитарного образования минимализм переходит границы возможного и допустимого, приобретая черты радикализма –

агрессивного противопоставления своей модели смыслов, целей и ценностей всему ходу развития человечества.

Минимализм может иметь исключительно позитивные проявления в форме монашества, схимничества, увлечения творчеством, служения Отечеству, которые обязательны для постижения откровений в условиях «полного погружения в проблему» за счет исключения всего лишнего, отвлекающего. Часто откровения и поступки минималистов изменяли весь ход мировой истории, исправляли ошибки неправильно сформулированных государством смыслов, поставленных целей и определенных ценностей. Но это было в тех случаях, когда носитель минимализма ограничивал собственные человеческие потребности и не требовал этого от других. Чаще минимализм имеет отрицательные проявления в виде агрессивного навязывания окружающим своего образа жизни, своего мировоззрения, своей картины мира и жизненной позиции.

Опасность минимализма, в соответствии с теорией профессора А. И. Юрьева (Цопанова А. В. Стереотипы восприятия политического терроризма народами северного Кавказа. 2009), заключается в том, что «участники экстремистского сообщества, как правило, находятся в измененных состояниях сознания, при которых изменяется картина мира, базовые цели жизни, механизмы восприятия и оценки окружающей среды. Экстремизм, в силу этого, имеет свой язык, в котором действует свой синтаксис и своя семантика. Поэтому нормальный язык, синтаксис и семантика не действуют на экстремистов – людей с измененным сознанием. Их измененное сознание – это картина мира, в которой их минимализм находит себе комфортное место».

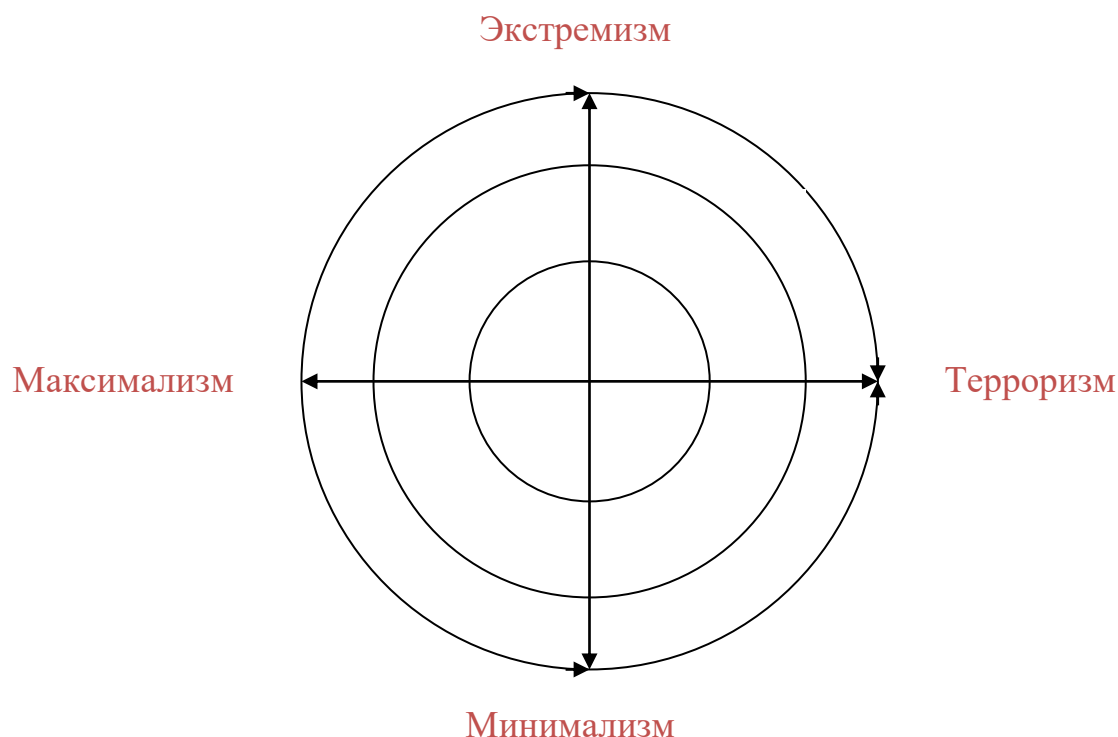

Рис. 1. Типы психологического поведения (А. И. Юрьев)

Максимализм и минимализм – это есть измененное сознание, которое функционирует «неправильным образом» с точки зрения психологии неопозитивизма и философии глобального постиндустриального общества. В свою очередь, это измененное сознание не принимает «правильностей» реальной жизни, узаконенной государством, политической организацией общества, представлений о том, что истина, а что ложь, что правильно, а что неправильно. Максималистов и минималистов отличает не только необычный уровень притязаний, но и очень высокая активность своего видения мира, в которой плата за него становится выше цены жизни своей и других людей. Так могут выглядеть первичные индикаторы склонности к терроризму и экстремизму.

Максимализм, минимализм, экстремизм и терроризм могут перетекать друг в друга, проходя три фазы, до возможности применения к ним юридических определений. Первая фаза четырех крайностей – **латентная**, скрытая, когда психолого-генетическая склонность уходить в крайности неочевидна для окружающих и для самого человека – носителя этих склонностей. Проявления эти прорастают из психологических особенностей человека в экстремальных условиях. На этом этапе еще можно предпринять

психокорректирующие меры, защищающие человека от опасности крайностей для него самого и для окружающих. Во второй фазе развития склонности к крайностям – фазе **наблюдаемых** отклонений, уже трудно что-либо предпринять, хотя возможно. Окружающим людям уже откровенно видны начальные, бытовые проявления максимализма, минимализма, экстремизма или терроризма. А вот третья фаза – фаза уже **предъявленного** поведения. Именно здесь делаются всегда неудачные попытки предъявить его носителю юридические обвинения. В третьей фазе правоохранители имеют дело с деформированной картиной мира человека, которая имеет информационно-языковую природу и которая не поддается прямому юридическому обвинению. В этом трудность предотвращения формирования экстремистских сообществ, пока они не перешли в форму террористических организаций. Решение в том, что все четыре крайности довольно легко переходят друг в друга при хорошо организованной работе, но они ни в коем случае не уничтожаются «на своем месте».

3.8 Терроризм – его психологические истоки (по проф. С. В. Цыцареву)

Психологически терроризм – это форма поведения той части людей, которые наиболее остро и неумело реагируют на изменения в мире. В литературе описывается три типа террористов (Simmons & Mitch, 2002):

- Тип 1 – политически мотивированные террористы.
- Тип 2 – уголовники (например, заказные убийства в рамках организованной преступности).
- Тип 3 – иррациональные террористы (психически больные).

При всех различиях между этими группами общая для всех мотивация – это стремление к publicity путем устрашения.

1. Ведут ли бедность и недостаток образования к терроризму?

Привычное объяснение преступности в терминах rational choice theory срабатывает во многих случаях, например, в объяснении преступлений против собственности. Низкий уровень доходов и образования прямо коррелирует с этим типом преступности. Однако другие преступления (например, домашнее насилие, убийства из ненависти, убийства в состоянии аффекта) имеют крайне

не выраженную связь с дефицитом образования и бедностью. Что же касается суицидальных террористов, то они не обнаруживают недостатка легитимных возможностей в жизни по сравнению с основным населением.

2. Образование и терроризм.

Аналогичная ситуация наблюдается и при анализе роли образования как такового. Krueger and Malekova (2002) представили данные, в соответствии с которыми образование или не имеет корреляции, или имеет положительную корреляцию с поддержкой терроризма. В исследовании 1357 палестинцев, проживающих в районах Западного Берега и Газы, только 40% из числа лиц с университетскими степенями поддерживали диалог с Израилем, в не поддерживают 53% выпускников колледжей и 60% имеющих за плечами девять классов образования или менее. Таким образом, более образованная часть населения настроена в поддержку применения насилия в форме терроризма.

3. «Личностные дефекты у террористов».

Большая часть психологических моделей базируется на предположении, что «у террористов обнаруживается патологическая потребность добиваться абсолютных конечных результатов» (Kaplan, 1981). Созвучны этой модели многочисленные психодинамические интерпретации террористического поведения.

В основе большинства из них — признание переживания унижения в руках агрессора в качестве ключевого фактора, ведущего к интернализации чувства личной несостоятельности, результатом которой является потеря самоуважения (самооценки). По мере взросления личность такого типа становится «дефектной», не имеющей адаптивных и социально приемлемых стратегий совладания со стрессом. В поиске выхода субъект ассоциирует себя с людьми с похожими проблемами с целью восстановления своей самооценки. Он прочно связывает себя с такими личностями и таким образом поддерживает в себе самооценку и развивает чувство самоидентичности на основе идентификации с группой, в известной мере, заменяющей семью. В такой атмосфере он всегда найдет «причину» для совершения акта насилия. В такой группе он может занять одну из возможных ролей — лидера, авантюриста или идеалиста.

4. Социальные роли, которые исполняют террористы, – лидер, авантюрист, идеалист.

4.1. Лидеры изначально, как правило, переживают чувство собственной неадекватности и легко проецируют его на общество, полагая, что общество неадекватно и должно быть изменено. Такие личности имеют ясное представление о целях террористической группы и о корнях ее идеологии. Роль лидера привлекательна для личностей нарциссического и параноидального типов.

4.2. Авантюрист обычно имеет все необходимые навыки для участия в террористической группе. Как правило, это антисоциальный тип личности, часто имеющий историю криминального поведения до вхождения в группу. Примерами являются многие «солдаты удачи», платные киллеры, участники разных вооруженных групп в рамках организованной преступности. Идеология в их поведении может существенно варьироваться или вообще отсутствовать. Поиск сильных ощущений в актах агрессии привлекает их больше всего.

4.3. Идеалистом является, как правило, молодой человек (или девушка) с наивным взглядом на социальные проблемы и возможность социальных изменений, который всегда неудовлетворен состоянием его общества или организации. Он (она) является идеальным объектом для «промывания мозгов» (brainwashing), источниками которых могут быть идеологические, политические или религиозные влияния. Феномен фанатизма (психологическое изучение которого крайне актуально и, безусловно, дело недалекого будущего) может наблюдаться среди этого типа террористов.

По мнению Strenz (1981), субъект включается в террористическое поведение главным образом из-за наличия искаженных психологических потребностей (или дефектов личности), а не потому, что стремится к достижению улучшений в политической и социальной сфере. Однако современные данные исследований часто опровергают эту точку зрения.

5. Модели социального научения террористическому поведению.

В современной психологии социального научения терроризм рассматривается как психологически нормальное явление. Поведенческая

психология настаивает на том, что чем больше субъект получает подкрепление за его террористическое поведение, тем вероятнее продолжение этого поведения; и чем чаще оно наказывается, тем менее вероятно его проявление вновь. Однако подкрепление и наказание нередко трудно идентифицировать, поскольку в некоторых ситуациях они меняются местами. Так, Crenshaw (1992, 2000) доказал, что «для террористов наказательные функции опасности, поимки и даже смерти подавляются подкрепляющей функцией осознания того, что их действия ведут к победе соответствующей идеологии. Использование насилия для достижения политических целей является для них реально осуществимым, эффективным и хорошо морально обоснованным».

Когнитивный диссонанс также оказался полезной моделью, помогающей проанализировать тот факт, что чем больше субъект вовлечен в террористическое поведение, тем более он становится убежденным в правоте принятой в группе идеологии. Поэтому для лидеров террористических организаций вовлечение их членов в конкретные террористические поведенческие акты (а не только в подготовку к ним или пропаганду) является главной задачей. В результате этого внушаемая лидерами организаций ксенофобия, постоянно создаваемый образ врага и ненависть по отношению к нему постоянно подкрепляются собственными акциями членов организаций.

6. Цель террористического поведения.

Группы террористов, охваченные интенсивной (жгучей) ненавистью, атакуют (и это очень важно!) не конкретных людей. Они атакуют «образ врага, спроецированный на не включенное в борьбу гражданское население» (Beck, 2002).

7. Когнитивные абберации, приводящие к террористическому поведению.

Антагонист воспринимается как крайне опасный субъект, которого необходимо изолировать, наказать или уничтожить. Три типичные когнитивные ошибки должны быть внедрены в сознание террористов, для того чтобы уверенно вести борьбу с истинными или воображаемыми врагами.

7.1. Сверхгенерализация (грехи врага распространяются на все население).

7.2. Дихотомическое мышление, в котором люди видятся или определенно хорошими (своими), или определенно плохими (чужими).

7.3. «Туннельное зрение» (Tunnel vision), при котором субъект полностью и исключительно сфокусирован на уничтожении цели. Когда такое мышление захватывает субъекта, ценность человеческой жизни снижается и террорист испытывает компульсивное возвращение к мыслям о ненавистном объекте.

8. Культура и психопатология.

В области психопатологии культура формирует и определяет, как минимум, следующие аспекты диагноза, лечения и прогноза психических заболеваний.

- Понятие психологической (поведенческой) нормы. Внутри сложных культур существуют субкультуры, каждая из которых может иметь свое понятие нормы по отношению к каждому расстройству.
- Базовые психологические феномены (например, интеллект, способности, направленность личности, продуктивность, ценности, агрессивность, сексуальная потенция и т. д.).
- Правила, регламентирующие проявления патологического поведения (display rules). Схожие расстройства проявляются разными симптомами, выраженность которых также определяется культуральными правилами.
- Социальные «ниши» для различных больных, а также характер и степень стигматизации, наступающей в результате заболевания.
- Культуральные «идиомы дистресса», включая интерпретацию патологического поведения.
- Культурально очерченные синдромы, встречающиеся только в отдельных культурах (culture bound syndromes).
- Культуральные предпочтения по отношению к лечению психических заболеваний.
- Правила использования классификационной системы. Примеры политического использования психиатрии широко известны. Диагнозы типа trappidomania, или патологическое влечение к свободе у рабов в Америке, бред

реформаторства у диссидентов в СССР, гомосексуализм, почти во всех культурах нового времени говорят сами за себя.

Для того чтобы разобраться, в какой мере терроризм может быть интерпретирован с психопатологической точки зрения, теоретический аппарат и экспериментальные данные кросс-культурной психологии должны найти свое применение. Следующий раздел — попытка в этом направлении.

9. Культура, психопатология и террористическое поведение: западная этноцентрическая перспектива.

В западном обществе есть готовность рассматривать террористическое поведение как патологическое, и как следствие этого:

- установить, что культура (субкультура) террористов исключает базовые ценности, свойственные «нормальным культурам» (крайний этноцентризм);
- отрицать какую бы то ни было общность в проявлениях террористического поведения в западных и незападных цивилизациях и игнорировать аналогичные терроризму проявления девиантного поведения в своей культуре;
- выводить объяснения террористического поведения непосредственно из определенной религии или группы религий;
- реагировать «исторически проверенным» способом — анти-террористическими акциями возмездия (не всегда по назначению, но чтобы все боялись);
- распространять массовую ксенофобию и создавать образ врага.

10. Культура и террористическое поведение: незападная перспектива.

- Наиболее важное культурологическое объяснение террористического поведения вытекает из понимания различий в функции убийства внутри каждой культуры. Например, понятие «кровная месть» существует в одних культурах и не обнаруживается в других.
- Двойной стандарт на убийство также типичен для определенных культур и нетипичен для многих других (убийство своего и убийство чужого могут быть психологически совершенно разными феноменами).

- Игнорирование места и значения террористического поведения внутри и за пределами своей и чужой культуры (или субкультуры) ведет к неизбежному навязыванию стереотипов доминирующей культуры для объяснения терроризма и полностью блокирует возможность его научного анализа.

11. Психология ненависти как орудие террора и терроризма.

В связи с распространением ненависти и развитием средств для манипуляции ею рядом психологов разрабатывается психология ненависти как орудия террора и терроризма. Robert Sternberg (2003) разработал трехкомпонентную модель психологии ненависти. Она включает следующие элементы.

- Отвращение или отрицание близости. Его источником могут быть особенности личности субъекта, его собственные действия или пропаганда.
- Страсть как мера эмоциональной энергии, связанной с динамикой ненависти, которая может быть описана в терминах эмоций страха, злости и гнева.
- Обязательство, состоящее из двух компонентов: когнитивной аберрации по снижению ценности и значимости ненавидимой группы людей: составляющие ее люди рассматриваются как не вполне люди, часто как «недочеловеки». Второй компонент его – поведенческий, это решение бороться, применить насилие и даже умереть.

Взаимодействие между этими тремя элементами может вести к формированию разных типов ненависти.

12. Типология ненависти по Стернбергу.

1. Ненависть, проявляемая главным образом в форме отвращения по отношению к ненавидимой группе (например, нации). Субъект не желает иметь ничего общего с ними, поскольку они, с его точки зрения, имеют мало общего с людьми.

2. «Неистовая» ненависть проявляется в экстремальных эмоциональных проявлениях злости и страха и может вести к насилию или избеганию угрозы, которая исходит (по мнению субъектов ненависти) от враждебной группы.

3. «Холодная» ненависть характеризуется восприятием представителей враждебной группы как низких и подлых.

4. «Кипящая» ненависть сочетает в себе отвращение к враждебной группе и потребность уничтожить исходящую от нее угрозу.

5. Сдерживаемая ненависть характеризуется чувством постоянного отвращения и страха, при этом враждебная группа воспринимается как собрание «сверхчеловеков».

6. «Жгучая» ненависть (burning hate) ассоциируется с переживанием необходимости физически избавиться от ненавистного врага. В данном случае все три элемента ненависти присутствуют, и этот тип ненависти чаще всего становится предметом рассмотрения в исследованиях терроризма.

13. Обучение ненависти.

Пропаганда ненависти имеет, как правило, три цели:

- 1) отрицание положительной эмоциональной оценки враждебной группы;
- 2) разжигание страстей: злости и страха (замечательный пример – описанные Джорджем Оруэллом в «1984» «пятиминутки ненависти»);
- 3) генерирование решений, основанных на ошибочных когнитивных выводах и порочном критическом мышлении (Sternberg, 2003).

Промывание мозгов (brainwashing) является необходимой стратегией формирования террористического поведения. Наряду с другими средствами оно включает в себя создание типичных историй для промывания мозгов каждой культуральной общности. Все истории должны дегуманизировать врага, то есть лишить его обычных человеческих диспозиций. Они (истории) должны сплотить потенциальных террористов и усилить их самоидентификацию. В содержательном плане, помимо религиозных различий, наиболее эффективным является общая для членов группы политическая катастрофа, например, потеря своей государственной автономии, лидерства в регионе, смерть вождя, и т. п.

Вывод: чтобы остановить террористическое поведение, следует разработать модель поведения, альтернативного террористическому. Это особенно важно, поскольку «террористическое мышление» захватило большие группы людей, и фактические угрозы терроризма могут войти в повседневную жизнь столь же легко, как криминализация российского общества в 1990-е

годы привела к введению в обращение криминальных понятий и образцов поведения в повседневную жизнь и язык. Необходимо понять психологическую конфигурацию террористического поведения и его роль в определенных культурах, избегая этноцентрических обобщений. Следует также проанализировать социально-психологические механизмы функционирования организаций, распространенных по всему миру, на основе данных истории, антропологии и социальной психологии.

3.9 Носители идеологии терроризма

Совершенно недопустимо упрощать проблему терроризма и стратегию антитеррора. Безусловно, терроризм – это война, и военные поэтому имеют исключительные права на средства борьбы с ним. Хотя беглый анализ терроризма показывает, что не обычная «огневая война», на обеспечение которой тратится военный бюджет страны, а «война наоборот». С точки зрения психологии, терроризм – это война нервов, в которой успех достигается за счет внезапности, неожиданности, новизны, непредсказуемости места, времени, обстоятельств, средств нападения. Стратегия терроризма строится на непризнании так называемых цивилизованных норм ведения борьбы: соблюдения «права войны» (правовые ограничения, которые международное право налагает на воюющих в деле применения средств подавления неприятеля), «международного военного права», «обычаев войны», «законов войны» (ограничений, установленных международным правом, в пределах которых возможно применение силы для поражения противника). Проигрывая в силе – терроризм выигрывает во времени и в пространстве. Терроризм – это вид вооруженной борьбы, диаметрально противоположный тому, что ожидают противостоящие ему антитеррористические силы: это другая психология, другая логика, другая мораль, другие цели и методы ведения войны.

Терроризм как феномен и способ достижения определенных политических целей существует испокон веков. По мнению А. А. Королева, Александр Македонский был убит террористами еще в IV веке до н. э. С движением исторического процесса содержание и целеполагание терроризма, как явления и модели поведения, менялось, изменялись способы устрашения и

орудия убийства, однако сама его фундаментальная основа – насилие и сопутствующий ему страх – остаются неизменными.

Терроризм с точки зрения политической психологии – это борьба не легитимной власти против легитимной власти с применением неограниченных средств и методов давления на психическое состояние противника для подмены смысла, целей и ценностей противника на свой смысл, цели и ценности. Если даже на какое-то время удастся военной силой подавить проявления терроризма, остается его питательная среда – несовместимость картины мира, мировоззрения, жизненной позиции, образа жизни, которые разделяют непримиримых противников. Борьба с терроризмом – это борьба за сознание человека в обстановке глобальных изменений в мире. Но суть терроризма упущена в горячих буднях захвата заложников, угона самолетов, взрывов в автобусах. Пока борьба с терроризмом идет на уровне симптомов, а не причин его все нового и нового возрождения.

Целью терроризма является психолого-политическая дестабилизация общества, приводящая к финансовым коллапсам, сменам правительств, сокращению производства, остановкам транспортных потоков – всего, что материально воплощает отвергнутый терроризмом мир других людей. Терроризм – это заражение других психолого-политической нестабильностью, которой он страдает сам. Поэтому диагностика терроризма, его «лечение», прогноз заключается не столько в выявлении и уничтожении его военизированных структур, а в точном знании и оптимизации причин его существования: причин его психолого-политической нестабильности.

Терроризм в психолого-политическом смысле – это силовое решение проблем политической несовместимости между людьми за счет дестабилизации психологического состояния оппонента методами насилия, неограниченного цивилизованной моралью и международным правом. Терроризм крайне обострен глобализацией, которая не имеет ни автора, ни хозяина и поставила в равной мере все человечество перед проблемами, которые ранее не встречались. Современный терроризм – это нервная реакция на глобальные изменения в мире. Адаптация к этим изменениям – дело всего человечества, и находится на путях обсуждений и дискуссий класса времен появления христианства или эпохи Возрождения. Это очень трудная

интеллектуальная и психологическая проблема, которой пока нет места среди задач борьбы с терроризмом.

3.10 Список литературы

Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М. : Щит-М, 1998.

Арцибасов И. Н. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия / И. Н. Арцибасов, С. А. Егоров. – М. : Международные отношения, 1989.

Бернгард А. Стратегия терроризма. – Варшава, 1978.

Бурикова И. С., Коновалова М. А., Пушкина М. А., Юрьев А. И., Вероятность влияния межнациональных конфликтов на психолого-политическую стабильность в Санкт-Петербурге. Научный отчет / Под ред. проф. Юрьева А. И. – СПб., 2004.

Гилинский Я. И. Современный терроризм: кто «виноват» и что делать? Сборник статей под ред. проф. М. М. Решетникова. – СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004. – С. 19–25.

Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: Социополитический анализ. – М. : РОССПЭН, 2000.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М. : Канон, 1996.

Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. – Нижнекамск: МГЭИ, 2000.

Карамян С. Исламский фундаментализм: теория и практика // Власть. – 2007. – № 4.

Королёв А. А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: История и современность // Московский гуманитарный университет. – 2008. – 50 с.

Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: (автореф. дис. на соискание ученой степени канд. фил. наук, специальность 09.00.10 – философия политики и права). – Ростов-на-Дону, 1999. – 206 с.

Можаровский В. В. Психологический анализ религиозно-ментальных оснований политики: (автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.12). – СПб., 2003. – 20 с.

Политология. Энциклопедический словарь / Под ред. Аверьянова Ю. И. – М., 1993.

Ракитянский Н. М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2012. – № 5. – С. 53–71.

Ракитянский Н. М., Зинченко М. С. Русские исламисты как политико-психологическая реальность. Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2015. – Вып. 3. – С. 70–82.

Ракитянский Н. М. Фундаментальные основания англо-американского политического менталитета // Поиск / Альтернативы / Выбор. – 2017. – № 1 (5).

Решетников М. М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов (Социально-историческая психиатрия). Сборник статей под ред. проф. М. М. Решетникова. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004. – С. 27.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. Москва : Питер, 2012.

Цопанова А. В. Стереотипы восприятия политического терроризма народами северного Кавказа. Диссертация на соискание ученой степени канд.а психол. наук. Научн. рук. доктор психол. Наук, проф. А. И. Юрьев. – СПб., 2009.

Цыцарев С. В. Социальная психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. проф. М. М. Решетникова. – СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004. – С. 26–36.

Чаликова В. 50/50: Опыт словаря нового мышления. М. : Прогресс, 1989.

Шнайдер Г. Й. Криминология. М. : Прогресс – Универс, 1994.

Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. Изд. ЛГУ, 1992.

Юрьев А. И. Глобализация как новая форма политической власти, изменяющая человека и миропорядок. В кн.: Россия: планетарные процессы. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002.

Юрьев А. И. Новый терроризм и глобализация, как его источник // Сборник статей под ред. Юрьева А. И. Идеологические основы терроризма в России. История и современность в выборе средств противодействия терроризму. – М., 2012. – С. 8–41.

Юрьев А. И. Общество и власть в период глобализации. Учебное пособие. СПб., 2004.

Юрьев А. И. Системное описание политической психологии. Изд. СПб Горного института, 1997.

Юрьев А. И. Политическая психология терроризма // Сборник статей под ред. проф. М. М. Решетникова. — СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004. – С. 64–86.

Юрьев А. И. Теоретические и методологические проблемы политической психологии // Вестник СПбГУ, 1997, – Сер. 6. – Вып. 3.

Яхьяев М. А. Ислам в современном мире // Исламоведение. – 2012 г. – №2.

Cassese A. Terrorism, Politics and Law. Cambridge: Polity Press, 1989.

Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3. N 4.

Laqueur W. Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977.

Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co, 1987.

Paskal B. Oeuvres. V. 1-14. – Paris, 1904–1914; V. 8, 9. – Paris, 1908.

Schmidt A., Jongman A. (Eds.) Political Terrorism. Amsterdam, 1988.

Terrorismus // Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992.

4 Исторические этапы эволюции терроризма

4.1 Подходы к описанию эволюции терроризма

При изучении вопросов, связанных с терроризмом, возникает сложность в различии понятий терроризм и борьба за национальное освобождение, терроризм и революционное насилие, терроризм и партизанская война.

Боназ Ганор, один из наиболее авторитетных в мире экспертов по безопасности, исполнительный директор Института по борьбе с терроризмом, выделяет три главных элемента терроризма (Ganor B. Defining Terrorism. 2002).

1. Применение или угроза применения насилия.
2. Политические цели (мотивы) деятельности.
3. Реальными целями оказывается мирное население, граждане.

Важно различать террор и терроризм. *Террор* осуществляется со стороны правящих, властных структур, иначе говоря «насилие сильных над слабыми» (характерно, в частности, для тоталитарных режимов), а *терроризм* определяется как насилие и устрашение «слабыми сильных» (Бернагард А. Стратегия терроризма. 1978).

Террор в более широком смысле – это способ управления обществом посредством примитивного устрашения, к которому могут прибегать как государства, так и организации, ставящие перед собой политические цели.

Терроризм в современном понимании, таким образом, это практика нелегитимного насилия, реализуемая противостоящими государству силами и организациями.

Структуру террора составляют:

Террористы (организаторы терактов) – экстремистские организации, целые государства, религиозные сообщества, преступники-одиночки.

Жертвы – мирные жители, экономические объекты, руководители государств, государственные служащие. В число жертв при этом входит и **целевая группа** – личности, против которых нацелена акция террора.

Террористический акт – посягательство на жизнь или иная форма насилия над государственными или общественными деятелями, или мирным населением.

Цель террористического акта – привлечение внимания общественности и государственных органов к конкретной политической проблеме или ситуации, имеет в качестве своих непосредственных задач захват заложников, похищение политических деятелей или их убийство, получение денег, специальных материалов, транспортных средств или оружия, освобождение политических заключенных, распространение общего состояния террора, усиление «сильной личности» или ее сторонников, провоцирование репрессий со стороны государства.

Существуют разные классификации этапов развития терроризма. Большая часть из них рассматривает эволюцию терроризма через призму усложнения структуры самих террористических организаций. И в этой связи наиболее распространенной является следующая периодизация эволюции террора (с незначительными изменениями она присутствует у множества авторов (Афанасьев Н. Н., Шукшин В. С. Исторические корни терроризма. 2002).

- 1. От античности до 40-х годов XIX века** – закладываются основы терроризма, возникают первые организованные сообщества, использующие террористические методы борьбы.
- 2. От 40-х годов XIX века до 20-х годов XX века** – вырабатываются основные формы и методы террористической деятельности, под терроризм подводится теоретическая база, формируются образцы стратегии и тактики террористов.
- 3. Начало 20-х – конец 50-х годов XX века** – терроризм становится фактором политической жизни. Происходит постепенный переход от индивидуального к преимущественно массовым видам терроризма. Появляются новые методы террористической деятельности.
- 4. Начало 60-х – конец 80-х годов XX века** – возникают крупные террористические группировки, происходит их интернационализация, возрастает изощренность и жестокость террористических актов. Терроризм превращается в глобальный фактор международной политики.

5. **С начала 90-х годов XX века** до настоящего времени – терроризм трансформируется из глобального фактора международной политики в глобальную проблему современности.

Также исследователи выделяют несколько масштабных исторических волн террористической активности (Моторин Д. И. Структурно-полное описание возможных социально-политических стратегий нейтрализации угрозы терроризма. С. 44). За основание классификации берутся не только исторические периоды, но и преобладающая идеология терроризма, география и социальная база террора:

1. **Первая волна** терроризма связана с распространением левоориентированных революционных идеологий. Период – с середины XIX века. География – Россия, Европа и США. Социальная база – крестьянство и пролетариат.
2. **Вторая волна** терроризма связывается с антиколониальными и национально-освободительными процессами. Период – вторая половина XX века. География – Латинская Америка. Социальная база – новый пролетариат стран третьего мира, национальные меньшинства.
3. **Третья волна** терроризма была вызвана активизацией «новых левых» и ряда национал-сепаратистских организаций. Период – 1960–1980-е годы. География – Европа. Социальная база – европейский пролетариат, образованная часть нижнего слоя среднего класса.
4. **Четвертую волну** терроризма спровоцировало усиление глобализационных процессов в мире, снижение регулирующей роли национальных государств. Характеризуется усилением религиозного, антиглобалистского, экологического терроризма. Период – с 1980-х годов. Социальная база – «новый пролетариат» в ЕС, широкие слои населения экономически слаборазвитых исламских стран.

В настоящее время данные классификации не отражают реальность, где терроризм вторгается в инфраструктуру существующих государств, создает свои государства и всячески стремится легализовать себя во власти, захватить власть. Поэтому в данной работе мы будем рассматривать эволюцию терроризма через призму именно его стремления к власти и используемых для этого инструментов. Авторы исходят из того, что терроризм в своем развитии проходит следующие этапы.

Этап 1. Терроризм как метод борьбы за власть одиночек.

На данном этапе террористы работали в одиночку или небольшими группами, целью террора были единичные представители власти (царь, министр, премьер и пр.) – борьба за власть через убийство неугодных террористам конкретных представителей власти.

Этап 2. Терроризм как технология дестабилизации ситуации в странах.

На данном этапе террористы перешли от модели истребления лидеров к модели устрашения населения, власть над умами, страхами. Основная цель – посеять мысль, что человек нигде не может быть в безопасности.

Этап 3. Создание собственного террористического государства.

С появлением ИГИЛ (здесь и далее - террористическая организация) борьба террористов за власть вышла на новый уровень. Власть вроде бы оказалась у них в руках, однако перед лицом терроризма встала проблема легитимизации этой власти перед международным сообществом, чтобы получить возможность вести финансовую и другую деятельность в правовом поле. Этого «Исламское государство» (организация, деятельность которой запрещена в РФ) делать не могло. Оно фактически оказалось в мировой изоляции.

Этап 4. Инкорпорация в существующие государственные структуры.

На данном этапе происходит по факту внедрение и захват уже существующих государств, их управленческой инфраструктуры. Террористы маскируются за статусами и должностями, оказываются в позиции руководителей признанных государственных образований, с которыми международному сообществу приходится вести диалог.

4.2 Этап 1. «Терроризм для одиночек»

Историография терроризма начинается с древности и связывается с тем, что уже на самых ранних этапах общественного развития существовала борьба между группами людей за власть, которая зачастую основывалась на запугивании и физическом устранении противников. При этом границы данного явления и время его возникновения четко не определены.

В качестве первых примеров проявления терроризма исследователи называют (Шегаев И. С. Терроризм: история и причины возникновения. 2013):

- римского диктатора Луция Корнелия Суллу, который расправлялся со своими политическими соперниками, используя проскрипции – списки людей, объявленных вне закона. Гражданин, убивший человека из этого списка, получал половину имущества убитого.
- Сикариев – организацию, действовавшую на территории современного Израиля в I веке н. э. Сикарии боролись против римлян и тех представителей знати, которые сотрудничали с Римом.
- мусульманскую шиитскую секту исмаилитов (ассасинов), которые в XI–XIII веках уничтожали физически представителей власти Сирии.

В XII–XIII веках террористические методы стали использовать представители католической церкви. Они узаконили возможность убийств негодных монархов своими подданными. К таким «борцам против монархии» стал применяться термин «монархомахи». Под идеей монархомахии были уничтожены противники воинствующего католицизма Вильгельм Оранский (1584), Генрих III (1589), Генрих IV (1610). В 1605 году планировался, но был раскрыт так называемый «пороховой заговор» Гая Фокса, капитана английской армии. С целью восстановить влияние католицизма в Англии планировалось взорвать здание парламента, в котором должен был находиться король Яков I.

В истории терроризма на начальном ее этапе выделяется также «эпоха террора» во Франции конца XVIII века во времена Великой французской революции. Период массовых казней и насилия был связан с конфликтом между двумя политическими группировками: жирондисты и якобинцы. Были казнены Людовик XVI, Мария Антуанетта, герцог Орлеанский, лидеры жирондистов (Жак-Пьер Бриссо, Пьер Верньо, мадам Ролан), дантонистов (Жорж Жак Дантон), эбертистов (Жак-Рене Эбер, Пьер Гаспар Шометт) и фельянов (Антуан Барнав, Жан Сильвен Байи). (Генифе П. Французская революция и Террор. 2000).

В начале XIX века в Италии появляются организации, целью которых было создание национального государства. Для борьбы с монархией Бурбонов на Сицилии зарождается мафия. В это же время на юге Италии образуется братство карбонариев. Идеей карбонариев изначально была защита крестьян от произвола землевладельцев. Позднее организация карбонариев

ставит явные политические цели по борьбе с властью австрийцев на территории Италии. Указанные террористические организации также действовали методами устрашения отдельных представителей власти (государственных чиновников, полицейских, помещиков, тюремщиков).

Примерами террористических действий в Европе являются также покушение итальянца Феличе Орсига на Наполеона III в 1859 году, убийство в 1854 году герцога Пармского, покушение в 1856 году на герцога Фердинанда III и королеву Испании Изабеллу, убийство сербского князя Михаила Обреновича III, покушения на канцлера Отто Бисмарка и прусского короля Вильгельма I.

К концу XIX века (1880–1890) в Европе и США отмечается пик анархо-террористической активности: в 1881 году в результате покушения смертельно ранен президент США Дж. Гарфилд; в 1894 году убит президент Французской республики С. Карно⁴ в 1901 году убит президент США У. Мак-Кинли; происходят убийства крупных и средних чиновников.

В Российской империи терроризм начинает проявлять себя во второй половине XIX столетия. Впервые тактика террора была использована народниками. Одним из лидеров и теоретиков терроризма в России того времени считается С. Г. Нечаев. Профессор В. В. Витюк характеризовал Нечаева следующим образом: «Его непреклонная воля была настояна на самовлюбленности, отсутствии нравственных устоев и узости мысли. Претендентам на роль мессии, какими бы возвышенными ни были декларируемые ими цели, всегда свойственно представление о себе как о «сверхлюдях», скрытое или явное презрение к другим» (Витюк В. В. Нечаевщина как политическое и социально-психологическое явление. 1981. С. 172). Основываясь на своих убеждениях, Нечаев создал организацию «Народная расправа». В деятельности этой организации принцип «морально все, что полезно для дела» был доведен С. Г. Нечаевым до крайнего предела – полного отрицания морали.

В 1879 году в результате раскола организации «Земля и воля» образовалась новая структура радикального толка «Народная воля». Основной идеей «Народной воли» была борьба с централизованной властью, которую народовольцы считали причиной социально-экономического кризиса.

Лидерами и членами исполнительного комитета организации были С. Перовская, Л. Тихомиров, А. Желябов, В. Фигнер, А. Квятковский. Организация вела свою работу более чем в 50 городах, в ее состав входило 500 членов и около 5 тысяч сочувствующих. «Народная воля» имела два печатных издания – газету «Народная воля» и обозрение «Вестник народной воли». Одной из главных целей организации было убийство Александра II. Для этого было осуществлено семь попыток покушений. Среди основных можно обозначить следующие:

- 1879 – взрыв поезда, в котором царь возвращался из Крыма;

- 1880 – взрыв в Зимнем дворце, произведенный С.Халтуриным, который устроился туда столяром. Взрыв был в столовой, но царь опоздал на обед, были ранены офицеры охраны;

- 1881 – руководила покушением С. Перовская. Бомбы метнули И. Гриневицкий и Н. Рысаков.

Дальнейшее продвижение террористической идеи в России связано с деятельностью эсеров, считавших себя «наследниками и продолжателями дела «Народной воли». С 1900 по 1910 год ими было совершено 23 тысячи террористических актов, в результате которых было убито или ранено 17 тысяч человек. Каждый день в 1907 году в среднем совершалось 18 политических убийств (Террор и культура в русской исторической перспективе. 1997. С. 155). Авторитет партии социалистов-революционеров особенно вырос после убийства 28 июля 1904 года министра внутренних дел Российской империи В. К. Плеве. Было выпущено воззвание «Ко всем гражданам цивилизованного мира», написанное на французском языке, которое содержало следующие призывы: «Вынужденная решительность наших средств борьбы не должна ни от кого заслонять истину: сильнее, чем кто бы то ни был, мы во всеуслышание порицаем, как это всегда делали наши героические предшественники «Народной воли», террор как тактическую систему в свободных странах. Но в России, где деспотизм исключает всякую открытую политическую борьбу и знает только один произвол, где нет спасения от безответственной власти, самодержавной на всех ступенях бюрократической лестницы, мы вынуждены противопоставить насилию

тирании силу революционного права» (Савинков Б. В. Воспоминания террориста. 1990. С. 86–87).

Исследователи истории терроризма отмечают, что перед Первой мировой войной террористические структуры, которые действовали на территории России, – партия эсеров, польские и грузинские националисты, получали значительную финансовую поддержку от стран, политических противников России, Австрии и Японии.

Меняется география и виды терроризма. Терроризм на территории отдельной страны начинает пользоваться поддержкой с внешней стороны.

С началом Второй мировой войны терроризм в своем проявлении переходит на принципиально новый уровень. До 1939 года, что подтверждают все приведенные выше примеры, объектами терроризма были, как правило, представители власти, военные, лица, сотрудничающие с режимом, но не простое гражданское население.

4.3 Этап 2. Рост масштабов терроризма. «Терроризм как технология дестабилизации ситуации»

Если на первом этапе развития терроризма целью были конкретные персоналии, то на втором этапе целью становится манипулятивное воздействие на политические силы посредством массовых атак на мирных граждан, создания тем самым информационных поводов для СМИ и социальных сетей, запугивания населения. Так называемый диффузный терроризм, в результате которого страдают случайные люди (Шашков М. М., Гужвенко Е. И. Общие положения терроризма как международной проблемы человечества. 2017).

Многим известны громкие террористические акты, произошедшие как в России, так и за рубежом. Одним из первых террористических актов, иллюстрирующим второй этап развития терроризма, является захват Оттоманского банка в Стамбуле в 1896 году (Егиков А. А. Абдул-Хамид II и возникновение армянского вопроса в Османской империи. 2016. С. 115), во время которого представители армянской партии Дашнакцутюн попытались заявить о проблемах армян в Османской империи и ультимативно добиться проведения реформ.

С 1960-х годов в мире происходили различные террористические атаки, связанные с самолетами: захваты, угоны, взрывы, обстрелы.

В 1970-х годах – террористические акты в связи с северо-ирландским конфликтом (взрывы и перестрелки в барах, пабах, ресторанах, магазинах, на улицах).

В связи с арабо-израильским конфликтом и под руководством Народного фронта освобождения Палестины и Организации освобождения Палестины: расстрел автобуса с израильскими школьниками (All Israel Shares in the Anguish of the Families Whose Children Were Killed in Ambush. 1970); расстрел посетителей пассажирского терминала в аэропорту Тель-Авива (This Week In History: The Lod Airport Massacre. 2012); захват и убийство взятых в заложники спортсменов израильской сборной во время Олимпиады в Мюнхене (Воинов Д. Типологизация влияния политики на современные Олимпийские игры. 2013); взятие заложников, расстрелы в аэропорту Рима, подрыв и угон самолетов (Arab guerrillas kill 31 in Rome during attack on U.S. airliner, take hostages to Athens, fly on. 1973); захват школы в Маалоте (Israeli toll is 24 as 4 students die. 1974); взятие заложников и убийства в гостинице «Савой» в Тель-Авиве; захват, угон самолета и взятие в заложники пассажиров и членов экипажа, удержание их в аэропорте Энтеббе; убийства на Прибрежном шоссе в Израиле (This Week in History: Israel's deadliest terror attack. 2011).

Первые теракты в Москве – взрывы в метро, магазине и на улице, организованные сепаратистами из Национальной объединенной партии Армении (Удилов В. Н. Записки контрразведчика. 1994).

В 1990-х годах террористические акты, направленные на случайных людей, происходили в Перу, Египте, США, Югославии, Коста-Рике, Ираке, Чили, Турции, Алжире, Израиле, Нигерии, Франции, Иране, Северной Ирландии, Италии, Колумбии, Азербайджане, Греции, Великобритании, Шри-Ланке, Аргентине, Панаме, Кампучии, Анголе, Филиппинах, Сьерра-Леоне, секторе Газа, Нидерландах, Индии, России, Австрии, Хорватии, Швейцарии, Саудовской Аравии, Индонезии, Эфиопии, Йемене, Бахрейне, Венесуэле, Польше, Уганде, Грузии (Жаринов К. В. Терроризм и террористы: Исторический справочник. 1999).

Наиболее известные и крупные теракты последних лет, целью которых было создание в обществе атмосферы паники, страха и незащищенности.

- Терракт 11 сентября 2001 года в США (ответственность на Аль-Каиде)
- Захват зрителей «Норд-Оста» в Москве в 2002 году (руководил М. Бараев)
- Захват школы №1 в Беслане в сентябре 2004 года (ответственен Ш. Басаев)
- Взрывы на вокзале, в электричках в Мадриде (организовали выходцы из Северной Африки)
- Взрывы в лондонском метро и автобусе в 2005 году
- Взрыв в минском метро в 2011 году (приговорены к смертной казни Д.Коновалов и В. Ковалев)
- Террористический акт в Норвегии в 2011 году (осужден и находится под стражей А. Брейвик)
- Крушение самолета, выполнявшего маршрут Шарм-эш-Шэйх – Санкт-Петербург, на Синайском полуострове в 2015 году (ответственность на ИГИЛ – здесь и далее - террористическая организация).
- Взрывы у стадиона «Стад де Франс», расстрелы в ресторанах и концертном зале «Батаклан» в Париже в 2015 году (ответственность на ИГИЛ).

Для того чтобы увидеть ситуацию в целом, обратимся к статистике. По глобальной базе данных по терроризму (The Global Terrorism Database), *с 1992 -го по 2018 год* в мире зафиксировано 191 464 инцидента. Распределение количества террористических атак за этот период по мировым регионам выглядит следующим образом.

Средний Восток и Северная Африка – 53 110 (27,7%).

Южная Азия – 48 266 (25,2%).

Африка к югу от Сахары – 19 752 (10,3%).

Южная Америка – 19 292 (10,1%).

Западная Европа – 16 843 (8,8%).

Юго-Восточная Азия – 13 363 (7,0%).

Центральная Америка и Карибы – 10 359 (5,4%).

Восточная Европа – 5217, 2,7%; в том числе Россия – 2218 (1,2%).

Северная Америка – 3579 (1,9%).

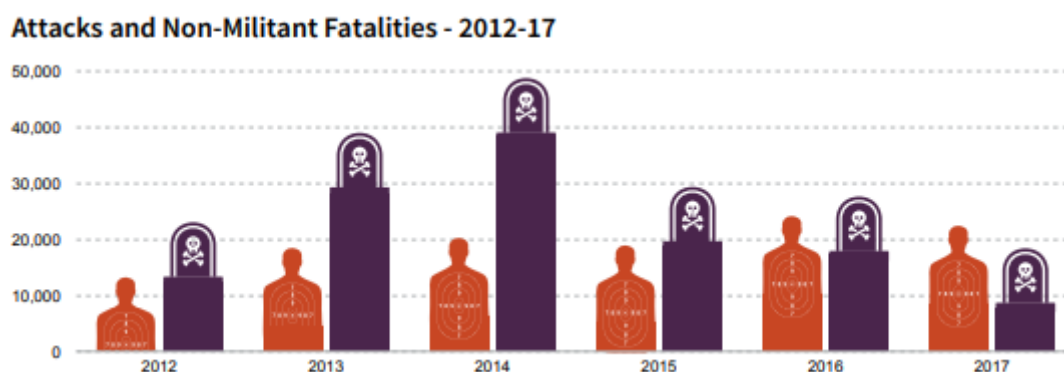
Восточная Азия – 808 (0,4%).

Центральная Азия – 571 (0,3%).

Австралия и Океания – 304 (0,2%).

Регионами с самым высоким уровнем распространения террористических угроз являются Средний Восток, Северная Африка, Южная Азия. Высокий уровень терроризма наблюдается в Африке к югу от Сахары, Южной Америке, Западной Европе, Юго-Восточной Азии.

Террористические акты, мятежи и политически или идеологически мотивированное насилие со стороны негосударственных субъектов, зафиксированные по всему миру из открытых источников Центром ЛПИС, в 2017 году составили 22 487 случаев, во время которых погибли 18 475 человек. Ниже представлена статистика за 2012–2017 годы.

Заметен всплеск количества смертельных исходов в результате атак в 2013 и 2014 годы. В 2017 году количество террористических атак превысило количество погибших.

В 2017 году, по данным JTIC 2017 Global Attack Index, **наиболее крупными в мире группировками** по террористическим атакам стали:

- ИГИЛ (террористическая организация) - (4612 нападений; 6499 погибших), являлась частью Аль-Каиды
- Сирийские демократические силы (1179 нападений; 90 погибших)
- Хайат Тахрир аш-Шам (возглавляется членами Джебхат ан-Нусра – отделение Аль-Каиды): 909 нападений, 458 погибших
- Хуситы (829 нападений; 553 погибших)
- Рабочая партия Курдистана (443 нападения; 195 погибших)
- Харакат аш-Шабаб (354 атаки; 860 погибших)
- Талибы (353 атаки; 1270 погибших)
- Коммунистическая партия Индии (314 нападений; 159 погибших)

Таким образом, наиболее активными группировками в мире являются исламские экстремисты, радикалы.

Рассмотрим также причины, по которым определенные группы людей прибегают к такому способу воздействия, как террористические нападения. В качестве **факторов появления терроризма** выделяют (Сабанин С. Н., Ахъядов Э. С-М. Философско-методологический подход к осмыслению терроризма. 2018):

- различные проблемы, волнующие население настолько, что порождают намерение бороться за передел мира;
- расхождение точек зрения на принадлежность территории этносам в связи с вероисповеданием;

- интенции избавиться в своем государстве от других конфессий и религий;
- потребность группы в получении власти путем обособления, отделения;
- сопротивление чуждым культуре и мировоззрению;
- фанатичная приверженность своей культуре и религии;
- безработица и бедность в многонациональных, многорелигиозных поселениях, приводящие к угнетению национальных меньшинств;
- борьба политических сил, основывающихся на религии или этносе и использующих непоследовательность, нелогичность намерений людей в корыстных целях.

Масштабы терроризма растут не только относительно количества объектов терроризма, но и относительно разнообразия субъектов. И методы терроризма используют не только террористические группировки, но и целые государства, причем по отношению как к политической оппозиции, к отдельным гражданам (внутригосударственный терроризм), так и по отношению к другим странам и народам (внешнегосударственный терроризм). Как правило, цель использования методов террора на политическом пространстве – утвердить свое господство и парализовать волю к сопротивлению (Копылов И. А. Государственный терроризм и его проявления. 2014).

Различают несколько методов воздействия государства как субъекта терроризма (Андреев В. Г. Химический терроризм: возрастающая угроза. 2004):

- информационные
- физико-технические
- физико-химические
- химические
- биологические

Информационный терроризм американские исследователи определяют как сознательное злоупотребление цифровыми информационными системами, сетями или компонентами этих систем или сетей в целях, которые способствуют осуществлению террористических операций или актов (Томас Т. Л. Сдерживание асимметричных террористических угроз, стоящих перед обществом в информационную эпоху. 2002). Основная цель информационных терактов состоит в том, чтобы они имели опасные последствия, стали широко известны населению и получили большой общественный резонанс (Турунок С. Г. Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия. 2011). Примером информационных терактов могут быть видеоролики с казнями мирного населения или важных персон, снятые членами различных террористических группировок и распространенные через интернет.

Физико-технические методы терроризма – это наиболее «традиционные» методы, включающие использование огнестрельных устройств, электромеханического оборудования, машин, летательных и плавательных аппаратов.

Физико-химические методы терроризма включают в себя взрывчатые вещества, радиоактивные вещества, зажигательные смеси. Как отдельные террористы, так и государства, для поставленных целей используют такие взрывчатые вещества, как тротил, пластид, угрозы ядерных и радиационных актов. Для террористических актов могут быть использованы отдельные радионуклиды, которые широко применяются в промышленности, сельском хозяйстве, медицине, науке. При недостаточном контроле за их сохранением радиоизотопные источники различного назначения могут попасть к террористам и быть использованы в террористических целях в качестве радиологического оружия (Василенко И. Я. Радиационный терроризм).

Пакистан – одно из государств, в котором разрабатывается «мирный атом». Однако государственные разработки в таких политически неустойчивых странах попадают в руки к террористам. Так, летом 2001 года в Кабуле Бен Ладен общался с двумя сотрудниками пакистанской ядерной программы, которые впоследствии были обвинены в продаже ядерных технологий террористам (Макаров В. Г. Международный трансферт атомных технологий как угроза режиму нераспространения ядерного оружия).

Иран – также одна из стран, имеющая свою ядерную программу, однако с 1985 года целью разработки программы является не «мирный атом», а «противостояние израильской угрозе» (Гольцев А. В., Сухих Е. А. Логика развития ядерной политики США в отношении Исламской Республики Иран).

Применение химических средств в террористических целях происходит тремя способами:

- Направленное и скрытое использование ядовитых веществ для устранения политических деятелей и дезорганизации деятельности возглавляемых ими структур управления. В последние годы в этих целях все чаще стали использоваться так называемые токсины – ядовитые вещества белкового строения, продуцируемые микроорганизмами, некоторыми видами животных и растений. 2 февраля 2004 года в конверте на имя лидера республиканцев в сенате США Билла Фриста был обнаружен один из самых сильнодействующих токсинов – рицин. «Химическая атака на Капитолий» хотя и была отражена спецслужбами, тем не менее повергла всю Америку в шок, показав практически неограниченные возможности современного использования сильнейших природных и синтетических ядов в террористических целях (Андреев В. Г. Химический терроризм: возрастающая угроза. 2004).

- Преднамеренное применение в местах массового скопления людей химических агентов с использованием взрывных, распыляющих или иных генерирующих устройств (Андреев В. Г. Химический терроризм: возрастающая угроза. 2004).

- Разрушение химических и нефтеперерабатывающих заводов, хранилищ химикатов и арсеналов химического оружия, нефте- и газопроводов. Поджог 789 нефтяных скважин, совершенный в 1991 году иракскими войсками в ходе войны в Персидском заливе, привел не только к нарушению экологического равновесия в регионе, но и к подрыву до этого процветавшей экономики Кувейта. Ущерб экономике этой страны составил более 50 млрд долларов (Андреев В. Г. Химический терроризм: возрастающая угроза. 2004).

4.4 Этап 3. «От ИГИ до Исламского халифата и его поражения»

Наиболее крупной в мировой истории террористической группировкой, претендующей на статус государства, является ИГИЛ (здесь и далее - террористическая организация), которая с момента создания до момента «официального» разгрома носила несколько названий.

15 октября 2006 года на территории Ирака было объявлено о создании Исламского государства Ирак, которое включало в себя множество группировок (в том числе, бывшие в составе Аль-Каиды). Основной целью Исламское государство Ирак объявило объединение суннитских группировок джихада и предотвращение столкновений между ними, а также борьбу против курдского и шиитского господства в Ираке (Нечитайло Д. А. Ирак: от «Аль-Каиды» к «Исламскому государству Ирак»).

Для этой борьбы требовались немалые средства, которые добывались членами ИГИ (здесь и далее - террористическая организация) путем нелегальной торговли нефтью, работоторговлей и захватом заложников с целью получения выкупа. А с 2013 года организация, к тому времени именуемая себя ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта), начинает быстрыми темпами увеличивать свой доход от ограбления банков на захваченных территориях и привлечения иностранных частных инвестиций мусульманских организаций (Тесленко Е. С., Пеструилова Н. Н. Феномен ИГИЛ). Когда обсуждают, какие именно организации спонсируют боевиков, часто говорят о Катаре и Саудовской Аравии как государствах. Однако, как пишет автор расследования в «Газете.ру», «не стоит утверждать, что Катар и Саудовская Аравия как государства принимают активное участие в финансировании Исламского государства. Судя по всему, основными его источниками являются религиозные фонды, в формировании которых, по некоторым признакам, большую роль играют частные пожертвования катарцев и саудовцев» (Корягин В. Джихад с голливудским размахом).

Кроме того, благоприятной почвой для роста ИГИЛ послужила гражданская война в Сирии в 2011–2013 годах, в ходе которой США и их союзники по НАТО поддерживали все вооруженные группировки, оппозиционные сирийскому правительству Башара Асада. И именно на этапе включения боевиков ИГИ в войну в Сирии они начали занимать все больше

территорий и, уже не ограничиваясь одним Ираком, переименовались в ИГИЛ. То обстоятельство, что иракские боевики из ИГИИ приняли активное участие в сирийской войне, стало еще одним этапом, приведшим к окончательному разрыву ИГИЛ с Аль-Каидой в феврале 2014 года (Сажин В., Исламский халифат разгромлен, но его опасная и заразная идеология жива). Как отмечают исследователи феномена ИГИЛ, основное его отличие от «Аль-Каиды» – это наличие определенных функций государства: добыча, переработка и экспорт нефти, импорт товаров, выстраивание идеологии и трудовых отношений (Ханалиев Н. У. Роль ИГИЛ в контексте шиитско-суннитского противостояния на Ближнем Востоке).

Первые упоминания о конкретных военных действиях ИГИЛ относятся к февралю 2012 года: тогда группа из 1200 боевиков пересекла границу с Сирией для помощи единомышленникам (Кузнецов А. А. «Исламское государство» в контексте политических изменений на Ближнем Востоке). Затем в результате разгона иракскими властями 30 декабря 2013 года суннитского лагеря на территории иракской провинции Анбар ИГИЛ (здесь и далее – террористическая организация) начало активные действия по захвату городов (Мосул, Рамади, Абу-Грейб и т. д.). И уже к началу марта 2014 года под контролем ИГИЛ находились более трети территорий Ирака и Сирии. 29 июня 2014 года ИГИЛ объявило о создании на захваченных территориях Исламского халифата, а «халифом» стал лидер организации Абу Бакр аль-Багдади. Тогда же было принято решение о переименовании группировки в Исламское государство (Бочарников И. В. Террористическая группировка «Исламское государство» как закономерное следствие ближневосточной стратегии США).

Что касается материальных приобретений Исламского государства, то к сентябрю 2014 года было захвачено 11 нефтяных месторождений и несколько перерабатывающих предприятий. В результате доход от нелегального экспорта нефти только за июль 2014 года составил около 1 млн долларов США (Тесленко Е. С., Пеструилова Н. Н. Феномен ИГИЛ). Кроме того, провинция Ниневия, захваченная боевиками, это в прямом смысле хлеб халифата. Там расположены основные государственные зернохранилища. Это зерно перерабатывалось и продавалось Ираку и Сирии (Корягин В. Джихад с голливудским размахом).

Полученные средства тратились на вооружение армии боевиков, а также на вербовку и распространение идеологии ИГ на территории других государств. По мнению канд. истор. наук В. Сажина, «ИГИЛ (организация, деятельность которой запрещена в РФ) совершило настоящую революцию в сфере онлайн-продвижения джихадистской идеологии, сумев исключительно через социальные сети создать мощное социальное движение и рекрутировать в свои ряды десятки тысяч иностранных бойцов со всего мира, включая Россию». При этом специалисты, занимающиеся пропагандой, в период расцвета ИГ занимали особое положение, зарабатывая в семь раз больше, чем боевики (Сажин В., Исламский халифат разгромлен, но его опасная и заразная идеология жива).

Организационная структура халифата на момент его провозглашения выглядела следующим образом: территория в 100–110 тыс. кв. км с населением около 8 млн человек; во главе государства стоял халиф, обладающий неограниченной властью, в составе административного аппарата были также два заместителя (амиры), 12 губернаторов (вали) и совещательный совет (Шура) (Сереброва А. М. «Исламское государство» после Сирийского кризиса: падение и новые угрозы).

Легкость, с которой распространялось влияние ИГ на территории Ирака, связана с несколькими факторами. Прежде всего, это слабая армия иракского государства. В городе Мосул 60-тысячная иракская армия капитулировала перед 5-тысячным отрядом боевиков ИГ. С одной стороны, иракские солдаты (которые в основном являются шиитами) не хотели отстаивать суннитские территории, на которых у ИГ есть определенная поддержка, с другой – солдаты армии не владеют определенными навыками ведения боевых действий в городе (Кузнецов А. А. Исламское государство в контексте политических изменений на Ближнем Востоке).

Кроме того, помимо суннитско-шиитского контекста укреплению позиций ИГ на захваченных территориях способствовал чрезвычайно высокий уровень безработицы среди населения. А за участие в боях с ИГИЛ (здесь и далее – террористическая организация) платились немаленькие деньги (400–500 долларов зарплата в месяц плюс увеличение суммы в зависимости от участия в боевых действиях) (Кузнецов А. А. «Исламское государство» в контексте политических изменений на Ближнем Востоке). Также все

население на территориях влияния ИГ ставилось перед выбором – поддержка ИГ либо смерть.

В течение 2014–2015 годов исламскому халифату присягнуло множество группировок из различных стран: Афганистана, Пакистана, Индии, Бангладеш.

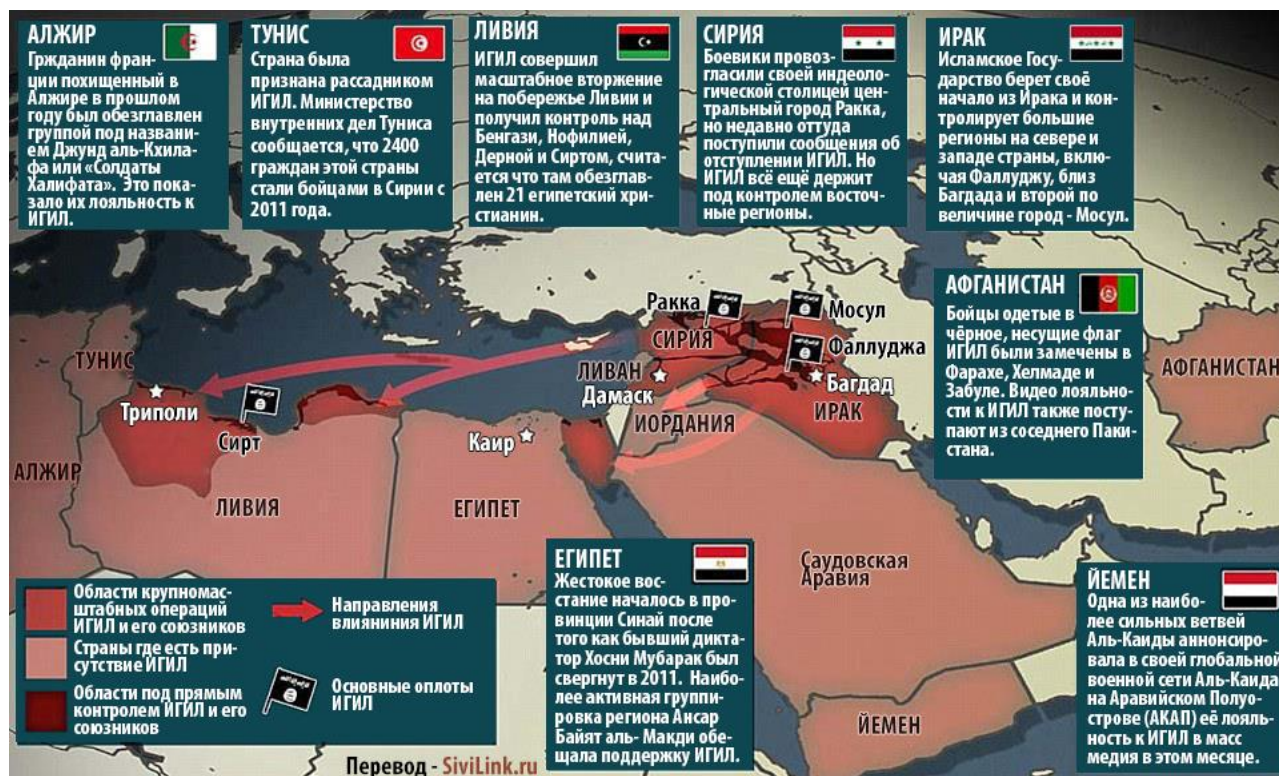

Рисунок 2.1. Карта распространения ИГИЛ от Алжира до Афганистана
 (Бочарников И. В. Террористическая группировка «Исламское государство» как закономерное следствие ближневосточной стратегии США)

Но уже с конца 2015 года ситуация для исламского халифата начала меняться: иракская и сирийская армии постепенно возвращали территории под контроль своих государств, в результате чего к концу 2017 года ИГ потеряло около 90% занимаемых ранее территорий. После серьезных поражений и потери таких ключевых территорий, как Алеппо и Мосул, Аль-Багдади признал поражение. Но тем не менее призвал членов ИГ временно укрыться и продолжать сопротивление из новых баз (Ханалиев Н. У. Роль ИГИЛ (террористическая организация) в контексте шиитско-суннитского противостояния на ближнем востоке). Поэтому разгром движения нельзя считать окончательным, оно продолжит существовать как идея, остались прежние средства пропаганды, организационная основа. И при благоприятных

обстоятельствах халифат вновь сможет дислоцироваться на определенных территориях.

На данный момент исследователи Исламского государства говорят о следующих тактиках поведения оставшихся в живых боевиков и их ячеек:

- «растворение» боевиков среди местного населения в Сирии и Ираке, создание ими так называемых «спящих ячеек» и дальнейшее ожидание приказа о возобновлении организованных военных действий;
- передислокация в труднодоступные районы Сирии и Ирака и создание там партизанских отрядов;
- уход в киберпространство и продолжение пропаганды идеологии, которая велась в период расцвета ИГ довольно эффективно (Сереброва А. М. Исламское государство после Сирийского кризиса: падение и новые угрозы);
- инфильтрация в другие страны, где создана база или есть сторонники ИГИЛ (террористическая организация), может, под другим названием, но с подобной идеологией и военно-политической доктриной (Сажин В., Исламский халифат разгромлен, но его опасная и заразная идеология жива).

В качестве основных факторов, которые привели к падению Исламского государства, исследователи называют:

- невозможность дальнейшего расширения территорий. Расширение территорий – это приток новых боевиков, нового оружия, расширение финансовых ресурсов. После занятия суннитских территорий дальнейшее продвижение с нарушением границ сильных государств (Турция, Израиль, Иордания) было невозможным;
- ослабление поддержки среди населения. Если ранее суннитские лидеры общин надеялись на защиту от шиитов, то после ослабления Исламского государства оно не могло предложить защиту и при этом продолжало проявлять жестокость по отношению к населению;
- стратегические ошибки в военном деле: ведение войны на ближневосточном и западном фронтах.

4.5 Этап 4. «Новая формула терроризма – инкорпорация в государственные структуры»

У теоретиков терроризма встал вопрос, как минимизировать риски, связанные с неприятием мирового сообщества. Ответ был найден – инкорпорироваться в государственные структуры. Таким образом террористы сливаются с существующим государством, получают международное признание, что позволяет накапливать капиталы и тратить их на финансирование террористических ячеек.

Площадкой для такой инкорпорации был выбран африканский континент, что является вполне закономерным решением, которое основывается на нескольких факторах:

- слабая власть;
- политическая нестабильность;
- постоянные внутренние столкновения различных противоборствующих сил и группировок, гражданские войны;
- высокий уровень коррупции;
- насыщенность континента оружием;
- рост мусульманского населения, в том числе приверженцев радикального ислама;
- недовольство населения несправедливым распределением государственных доходов от экспорта сырья.

Совокупность этих факторов делает страны Африки идеальным плацдармом для функционирования и базирования террористов: в условиях хаоса и дестабилизации внутривнутриполитической ситуации террористические организации могут спокойно перемещаться, заниматься организацией и планированием терактов, оставаясь незамеченными.

Заинтересованность террористических организаций исламистского толка в африканском континенте проявилась еще в 2006 году с публикацией в

виртуальном журнале «Эхо Джихада» (Sada al-Jihad) статьи под названием «Аль-Каида движется в Африку» (Moshe Terdman. Factors Facilitating the Rise of Radical Islamism and Terrorism in Sub-Saharan Africa. 2007). В 2007 году на джихадистских форумах появилась еще одна статья «Аль-Каида и африканский континент: прошлое, настоящее, будущее», в которой был проведен анализ значимости Африки для мирового радикального исламизма (Moshe Terdman. Factors Facilitating the Rise of Radical Islamism and Terrorism in Sub-Saharan Africa. 2007). Из этих публикаций можно было сделать вывод, что «Аль-Каида» (организация, деятельность которой запрещена на территории РФ) уже достаточно давно предпринимала попытки «закрепиться» на континенте с помощью организации терактов и взрывов посольств в Кении, Танзании, Касабланке, Египте, исторически часть наиболее известных боевиков «Аль-Каиды» являются выходцами из Северной Африки, а значит прекрасно информированы о слабых местах этих государственных систем.

Отдельные авторы отмечают, что джихадистский, «международный» терроризм начал проявлять себя в Африке уже в конце 1970-х годов (Костелянц С. В. Терроризм в Африке: особенности, тенденции, перспективы. 2016. С. 102). При этом если говорить о так называемом «внутреннем терроризме», то он является неотъемлемой частью вооруженных конфликтов с гораздо более раннего времени.

Поскольку в аспекте данного исследования мы рассматриваем эволюцию терроризма как мирового феномена, воспользуемся критериями отличия международного (транснационального) терроризма от внутреннего (национального) (Костелянц С. В. Терроризм в Африке: особенности, тенденции, перспективы. 2016. С. 102). Преступление может считаться международным (транснациональным), если удовлетворяет одному из перечисленных признаков:

- ✓ совершено более чем в одном государстве;
- ✓ совершено в одном государстве, но существенная часть подготовки, планирования, руководства или контроля осуществлялась на территории другого государства;

- ✓ совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность более чем в одном государстве;
- ✓ совершено в одном государстве, но его последствия сказываются на другом государстве.

Присутствие международного терроризма в Африке с конца 1970 – начала 2010-х годов было выражено в том, что власти отдельных африканских стран *оказывали на государственном уровне поддержку международному терроризму* (Костелянц С. В. Терроризм в Африке: особенности, тенденции, перспективы. 2016). Так, Эритрея в начале 2000-х годов предоставляла финансирование и тренировочные базы боевикам «Аш-Шабаб». И это только малая часть свидетельств тесной поддержки, оказываемой властями отдельных африканских государств международным террористическим организациям.

Однако к 2013–2015 годам эта поддержка существенно сократилась, во многом под давлением международных санкций ООН. Взамен этой форме на африканском континенте стал набирать силу *негосударственный транснациональный терроризм сетевого вида*. В результате в ряде африканских государств целые области перешли под контроль боевиков «Аль-Каиды» и Исламского государства (организации, запрещенные на территории РФ). Более того, дестабилизация политической ситуации в ряде стран Африки создала благоприятные условия для сращивания внутреннего и внешнего терроризма.

По данным ООН, на начало 2016 года в верности ИГ присягнули 34 экстремистские организации по всему миру (по оценкам частной контртеррористической компании IntelCenter, это число выше и составляет 43 организации по всему миру), из них свыше 20 базируются в Африке (United Nations: ISIS Has 34 Affiliates Worldwide. 08.02.2016).

Таким образом, выбор Африки как плацдарма для инкорпорации террористической организации в государственные структуры вполне обоснован. Возможность приступить к осуществлению данной стратегии появилась в 2011 году, когда в результате гражданской войны в Ливии было свержено правительство Муаммара Каддафи и в регионе началась

гражданская война. Именно тогда в условиях полной дестабилизации ситуации в Ливии в страну пришла террористическая организация «Исламское государство» а за ней и целый ряд других. В конечном счете, вокруг «Исламского государства» стали консолидироваться радикальные исламистские объединения, как местные, так и прибывающие в Ливию со всей Африки (В. Гончаров. Ливия – новый фронт борьбы против терроризма).

В Сирте была создана новая база ИГ, которая к концу 2015 года насчитывала контингент в 5 тысяч боевиков (ИГ создало крупную базу в Ливии // Военное обозрение от 30.11.2015). В результате «Исламское государство» взяло под контроль жизнь в городе, фактически забрав себе власть в нем. В Сирте был введен шариат со всеми его радикальными атрибутами: *«Они установили исламскую полицию, исламский суд и налоговую инспекцию, и они пронумеровали все магазины в Сирте, чтобы собирать налоги. Они показали, что они действительно государство»* (ИГ создало крупную базу в Ливии // Военное обозрение от 30.11.2015).

Формально Сирт был освобожден от боевиков в 2016 году, и на какое-то время ИГ было вынуждено пересмотреть структуру, тактику и стратегию (Плотников Н.Д. Станет ли ИГ «третьей силой» в Ливии).

В результате к 2019 году в Ливии произошел переход террористической деятельности на принципиально новый уровень, на новый эволюционный этап – этап инкорпорации террористов в государственные структуры. Фактически Правительство национального согласия Ливии является ярким примером такой инкорпорации, поскольку оно и само контролирует бандформирования, и является подконтрольным террористам.

Правительство национального согласия Ливии было создано в 2015 году при поддержке Совета Безопасности ООН. Оно является международно-признанным, и в момент создания на него возлагались серьезные ожидания по выводу страны из государственного кризиса, вызванного гражданской войной. Однако ожидания не оправдались.

Многочисленные факты свидетельствуют, что к 2019 году террористическим организациям удалось плотно интегрироваться в государственные структуры Ливии, в первую очередь в силовые структуры и

ведомства (Васнецов Е. Как ПНС Ливии связано с террористическими организациями):

- премьер-министр Правительства национального согласия Ливии (ПНС) является членом радикальной организации «Братья-мусульмане»;
- часть боевых организаций Мисураты и Триполи вошли в структуру МВД;
- бандформирования Мисураты пролоббировали кандидатуру Фатхи Башаги на пост министра внутренних дел;
- фактически Ф. Башаге подконтрольны террористические организации «Военный совет Мисураты» и «Силы защиты Триполи», каждая из которых включает в себя несколько группировок;
- генерал Усама аль-Джувейли, глава Западного военного округа, является членом и одним из создателей группировки «Зинтан», обвиняется в массовых убийствах в Зинтане, Какле, Гарьяне;
- генерал Мохаммед аль-Хаддад, глава центрального военного округа, в ходе гражданской войны в 2011 году командовал бригадой «Халбус», затем занимал руководящие посты в объединении банд «Щит Ливии»;
- генерал Абдул Бассет Марван, глава военного округа «Триполи» также замечен в тесной связи с полевыми командирами бандформирований.

С помощью такой комбинации ряд радикальных движений был легитимизирован в структурах власти Ливии, продолжая фактически вести террористическую деятельность (см. рис. 2.1 и 2.2).

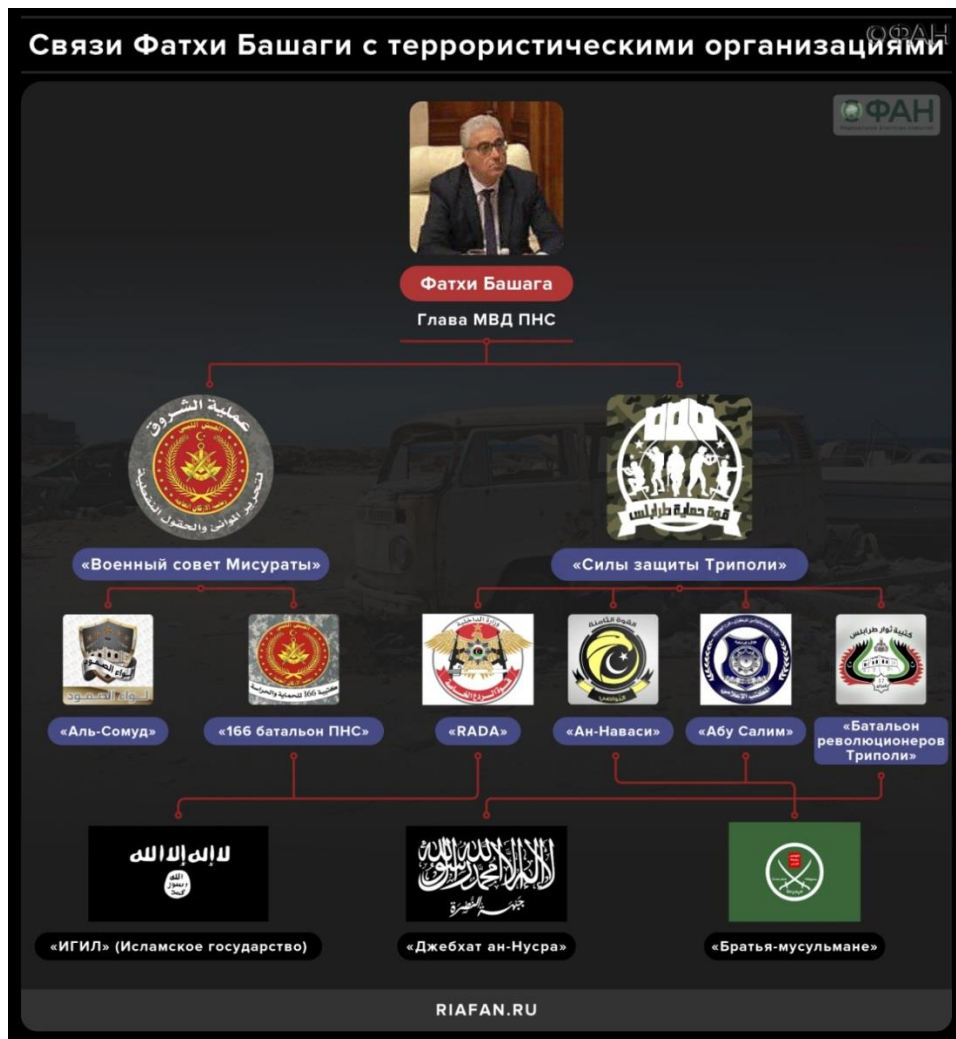

Рис. 2.1. Связь главы МВД ПНС Ливии с террористическими организациями (Федеральное агентство новостей)

Рис. 2.2. Связь премьер-министра ПНС Ливии с террористическими организациями (Федеральное агентство новостей)

Как отмечается. «Правительство национального согласия — это, по сути, новая форма существования террористических организаций, которые при помощи денег, угроз и влияния добрались до государственных институтов и добились частичного признания международного сообщества» (Васнецов Е. Как ПНС Ливии связано с террористическими организациями).

Вопрос о тесной связи ПНС с террористами был поставлен на закрытом заседании Совбеза ООН летом 2019 года в рамках доклада спецпредставителя генсека ООН по Ливии Гасана Саламе, который открыто указал на связи правительства с боевиками, в том числе и с боевиками Исламского государства (Как Ливия превратилась в главного спонсора международного терроризма).

Член экспертного совета «Офицеры России» Александр Перенджиев так прокомментировал этот доклад: «ИГИЛ (террористическая организация) —

открытые террористы, а вот ПНС – «скрытые». Если идти дальше, то необходимо констатировать, что ПНС – это теневой, скрытый вариант ИГ, новое квазигосударство боевиков, которые просто прикрываются другим брендом. Нужно отдать должное Саламе: через него ООН, пусть даже больше обслуживающая интересы Запада, сказала первое справедливое осуждающее слово в адрес Сараджа» (Как Ливия превратилась в главного спонсора международного терроризма).

Ценность Ливии для радикальных террористических организаций в первую очередь заключается в добываемой на ее территории нефти. До 2011 года ежедневно в стране добывалось до 1,6 млрд баррелей в день, а доказанные запасы нефти составляют 29,5 млрд баррелей, что ставит Ливию на первое место в Африке и на пятое среди стран ОПЕК («Все наживаются на нефти». Война в Ливии продолжается и без Каддафи»). По состоянию на 2019-й – начало 2020 года все нефтяные доходы контролируются Правительством национального согласия, которое, в свою очередь, расплачивается этими деньгами с террористическими организациями, взявшими на себя функцию силовых структур, а именно: охраняющих ПНС и его нефтяной бизнес, помогающих удерживать власть в противоборстве с другой силой – армией Халифы Белкасим Хафтара (Как Ливия превратилась в главного спонсора международного терроризма).

По оценкам экспертов, «нефтяные доходы идут на оплату услуг наемников из многочисленных группировок боевиков, от мелких бандформирований, которые «поддерживают порядок» в Триполи, до террористов Исламского государства, для которых Ливия стала настоящим кладом. Всего за несколько лет <...> африканская страна стала одним из крупнейших спонсоров международного терроризма» (Как Ливия превратилась в главного спонсора международного терроризма).

Терроризм эволюционирует в погоне за властью. Начавшись с попыток устранить представителей власти, он прошел через устрашение и завоевание абсолютной власти над умами населения, независимо от статуса и национальности, к идее самому стать властью. И в результате выбрал наиболее простой путь – интегрироваться в существующую власть, захватить ее вместе со всей сложившейся инфраструктурой. Ливия – это тревожный звоночек, сигнализирующий о том, что терроризм умнеет. Кто даст гарантии,

что, проникнув в спинной мозг одного государства, терроризм, как рак, не даст метастазы в другие, и в результате на геополитической карте мира не появится, например, террористический континент (учитывая нескрываемый интерес радикальных исламистских организаций к Африке)?

4.6 Список литературы

Все наживаются на нефти. Война в Ливии продолжается и без Каддафи // РИА Новости от 05.11.2019. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191105/1560492087.html>

ИГ создало крупную базу в Ливии // Военное обозрение от 30.11.2015. – Режим доступа: <https://topwar.ru/87035-smi-ig-sozdalo-krupnuyu-bazu-v-livii.html>

Как Ливия превратилась в главного спонсора международного терроризма // Федеральное агентство новостей от 06.10.2019. – Режим доступа: <https://riafan.ru/1217513-kak-liviya-prevratilas-v-glavnogo-sponsora-mezhdunarodnogo-terrorizma>

Arab guerrillas kill 31 in Rome during attack on U.S. airliner, take hostages to Athens, fly on [Электронный ресурс] // The New York Times. – 1973, Dec. 18. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1973/12/18/archives/arab-guerrillas-kill-31-in-rome-during-attack-on-us-airliner-take.html>

Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3, N 4. P. 294–295.

Israeli toll is 24 as 4 students die [Электронный ресурс] // The New York Times. – 1974, May 17. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1974/05/17/archives/israeli-toll-is-24-as-4-students-die-4-or-5-more-of-the-original-70.html>

JTA daily news bulletin / Published by Jewish Telegraphic Agency. – 1970, May 25, No. 99.

Moshe Terdman «Factors Facilitating the Rise of Radical Islamism and Terrorism in Sub-Saharan Africa» // Global Research in International Affairs (GLORIA) Center THE PROJECT FOR THE RESEARCH OF ISLAMIST MOVEMENTS (PRISM) AFRICAN OCCASIONAL PAPERS, от марта 2007 г. – Режим доступа: https://pdfs.semanticscholar.org/2c3d/3c15cf65d4c52b8b19406008bb7b2e1ee0f5.pdf?_ga=2.172181217.372984711.1582892162-1817287813.1582892162

The Global Terrorism Database [Электронный ресурс] // The National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism – Режим доступа: <https://www.start.umd.edu/gtd/about/>

This Week in History: Israel's deadliest terror attack [Электронный ресурс] // The Jerusalem Post. – 2011. March 11. – Режим доступа: <https://www.jpost.com/Features/In-Thespotlight/This-Week-in-History-Israels-deadliest-terror-attack>

This Week In History: The Lod Airport Massacre [Электронный ресурс] / Tamara Zieve // The Jerusalem Post. – 2012, May 28. – Режим доступа: <https://www.jpost.com/Features/In-Thespotlight/This-Week-In-History-The-Lod-Airport-Massacre>

United Nations: ISIS Has 34 Affiliates Worldwide // United with Israel, 08.02.2016. – Режим доступа: <https://unitedwithisrael.org/united-nations-isis-has-34-affiliates-worldwide/>

Андреев В. Г. Химический терроризм: возрастающая угроза // Вестник Академии военных наук. № 4. 2004. С. 35–40. – Режим доступа: <http://militaryarticle.ru/vestnik-akademii-voennykh-nauk/2004-vavn/10497-himicheskij-terrorizm-vozzrastajushhaja-ugroza>

Афанасьев Н. Н., Шукшин В. С. Исторические корни терроризма. – М., 2002.

Бакаре И. А. Деятельность террористической группы «Боко Харам» как угроза региональной безопасности в Западной Африке: 2009–2017 гг., диссертация. – М., 2017. – 198 с.

Барри Хассимиу. Международный терроризм и проблема региональной безопасности в Западной Африке в начале XXI века (на примере Мали и Нигерии): диссертация канд. полит. наук: 23.00.04 / Барри Хассимиу [Место защиты: ФГАОУВО Российский университет дружбы народов]. 2017. – 207 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/glob-razvitie/mezhdunarodnyj-terrorizm-i-problema-regionalnoj-bezopasnosti-v-zapadnoj-afrike-v.html>

Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С. 23.

Бочарников И. В. Террористическая группировка «Исламское государство» как закономерное следствие ближневосточной стратегии США. – Режим доступа: <https://nic-pnb.ru/analytics/terroristicheskaya-gruppirovka-islamskoe-gosudarstvo/> (дата обращения – 28.02.2020)

Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начала XX в.) – М.: Политическая энциклопедия. 2016. – 383 с.

Василенко И. Я. Радиационный терроризм (медико-биологические аспекты) – Режим доступа: <http://nuclphys.sinp.msu.ru/ecology/terror.pdf>

Васнецов Е. Как ПНС Ливии связано с террористическими организациями // Федеральное агентство новостей от 18.10.2019 – Режим доступа: <https://riafan.ru/1220805-kak-pns-livii-svyazano-s-terroristicheskimi-organizacijami>

Витюк В. В. Нечаевщина как политическое и социально-психологическое явление // Социологические исследования. 1981. № 2.

Воинов Д. Типологизация влияния политики на современные Олимпийские игры // Спортивные мегасобытия в политике, обществе и культуре: Журнал социологии и социальной антропологии / Издательство «Интерсоцис». – СПб., 2013. – Том XVI, № 5.

Генифе П. Французская революция и Террор // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789—1799 гг.: Итоги юбилея. — М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Гольцев А. В., Сухих Е. А. Логика развития ядерной политики США в отношении Исламской Республики Иран // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/logika-razvitiya-yadernoy-politiki-ssha-v-otnoshenii-islamskoj-respubliki-iran/viewer>

Гончаров В. Ливия – новый фронт борьбы против терроризма // Международная жизнь от 16.05.2016 г. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/15294>

Грачев С. И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории. (Учебное пособие) / Электронная версия / Под ред. академика О. А. Колобова. – Нижний Новгород : ФМО/ИСИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2010. – 242 с.

Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: Социополитический анализ. М. : РОССПЭН, 2000. – С. 53.

Егиков А. А. Абдул-Хамид II и возникновение армянского вопроса в Османской империи // Научный альманах. – 2016. – № 3–4 (17). – С. 115.

Жаринов К. В. Терроризм и террористы: Исторический справочник / К. В. Жаринов; ред. А. Е. Тарас. – Минск : Харвест, 1999. – 606 с.

Желтов В. В. Исламское государство. Опыт политологического исследования. Монография. Москва : Флинта, 2016. – 117 с.

Жерлицына Н. А. Угрозы безопасности Африки: современные тенденции. Учебное пособие / Н. А. Жерлицына, С. В. Костелянец, Г. М. Сидорова; Министерство образования и науки Российской Федерации. – Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. – 273 с.

Ильминская М. Ф. Феномен Исламского государства: идеология, политическая цель, причины успеха // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-islamskogo-gosudarstva-ideologiya-politicheskaya-tsel-prichiny-uspeha>

Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск : МГЭИ, 2000. – С. 40.

Киреев М. П., Акиев М. Х., Исторические этапы развития и понимания терроризма // Труды Академии управления МВД России. 2012. № (24). С. 70–74.

Копылов И. А. Государственный терроризм и его проявления. // Вестник Московского университета МВД России. 2014, № 9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-terrorizm-i-ego-proyavleniya/viewer>

Корягин В. Джихад с голливудским размахом. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2014/09/24_a_6232837.shtml (дата обращения – 28.02.2020)

Костелянец С. В. Терроризм в Африке: особенности, тенденции и перспективы // Пути к миру и безопасности. 2016. № 2 (51). С. 101–113. – Режим доступа: https://www.imemo.ru/jour/PMB/index.php?page_id=697&id=7713

Кузнецов А. А. Исламское государство в контексте политических изменений на Ближнем Востоке // Вестник МГИМОУ. 2015. № 41 (2). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-gosudarstvo-v-kontekste-politicheskikh-izmeneniy-na-blizhnem-vostoke/viewer> (дата обращения – 28.02.2020)

Макаров В. Г. Международный трансферт атомных технологий как угроза режиму нераспространения ядерного оружия // Век глобализации. 2/2015. С. 108–118.

Манойло А. В., Шегаев И. С. Особенности борьбы с международным терроризмом в условиях его интернационализации // PolitBook – 2017. – 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-borby-s-mezhdunarodnym-terrorizmom-v-usloviyah-ego-internatsionalizatsii/viewer>

Миняжетдинов И. Х. «Нетипичный» терроризм в этноконфессиональном конфликте в Ираке (на примере ситуации вокруг теракта в г. Хан Бани Саад) // Религия и общество на Востоке. 2018, №2. – Режим доступа: <https://www.ivran.ru/articles?artid=10285> (дата обращения – 29.02.2020)

Нечитайло Д. А. Ирак: от «Аль-Каиды» к «Исламскому государству Ирак». // Институт Ближнего Востока, 07.04.2007 – <http://www.iimes.ru/?p=5621> (дата обращения – 28.02.2020)

Петрищев В. Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию – М.: Красанд, 2018. – 464 с.

Петрищев В. Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию: монография. М. : Красанд, 2013.

Плотников Н. Д. Станет ли ИГ третьей силой в Ливии // ivran.ru'2019, № 7. – Режим доступа: <https://www.ivran.ru/articles?artid=13574>

Сабанин С. Н., Ахъядов Э. С-М. Философско-методологический подход к осмыслению терроризма: исследование факторов, сущности, целей и последствий современного терроризма // Вестник Чеченского государственного университета. – 2018. – № 2 (30). – С. 94–98.

Савинков Б. В. Воспоминания террориста. – М., 1990.

Сажин В. Исламский халифат разгромлен, но его опасная и заразная идеология жива. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/21870> (дата обращения – 28.02.2020)

Сереброва А. М. Исламское государство после Сирийского кризиса: падение и новые угрозы // Вестник Московского университета, сер. 27, Глобалистика и геополитика. 2014. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-gosudarstvo-posle-siriyskogo-krizisa-padenie-i-novye-ugrozy/viewer> (дата обращения – 28.02.2020)

Террор и культура в русской исторической перспективе: материалы круглого стола. 1997. № 8.

Тесленко Е. С., Пеструилова Н. Н. Феномен ИГИЛ // Виктимология 1 (3) / 2015. – С. 34–39. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-igil/viewer> (дата обращения – 28.02.2020)

Томас Т. Л. Сдерживание асимметричных террористических угроз, стоящих перед обществом в информационную эпоху // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. Материалы международной конференции. – М., 2002.

Турунок С. Г. Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия. // ОНС, 2011. – № 4. – Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/data/2014/01/16/1251303793/Turonok.pdf>

Удилов В. Н. Записки контрразведчика. (Взгляд изнутри). — М. : Ягуар. 1994. — 208 с., илл.

Ханалиев Н. У. Роль ИГИЛ в контексте шиитско-суннитского противостояния на Ближнем Востоке // Politbook, 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-igil-v-kontekste-shiitsko-sunnitskogo-protivostoyaniya-na-blizhnem-vostoke/viewer> (дата обращения – 28.02.2020)

Шашков М. М., Гужвенко Е. И. Общие положения терроризма как международной проблемы человечества // Новые вызовы терроризма и экстремизма: формы и методы противодействия : материалы II международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 166–169.

Шегаев И. С. Терроризм: история и причины возникновения // Молодой ученый. – 2013. – № 10. – С. 463–465. <https://moluch.ru/archive/57/7918/>

Шнайдер Г. Й. Криминология. М. : Прогресс - Универс, 1994. – С. 439.

5 Триполи на пути к понятию «террористического государства» – от истории гражданского конфликта до инкорпорации террористов во власть

5.1 Ливия как оплот терроризма – исторический очерк

Условия возникновения террористической угрозы для Ливии

Самое страшное, что может случиться с любой страной, это гражданская война. Сколько бы она ни продолжалась, долго или не очень, ее последствия проявляются десятилетиями, если не столетиями. Редко какая из них, по крайней мере, в последнее время, обходится без присутствия иностранных «специалистов». Либо прямо, как интервенция с поддержкой той или иной стороны, либо косвенно и скрытно, как поставки необходимых ресурсов порой для всех участников такого конфликта.

Особенно в таком деле преуспело англосаксонское сообщество государств. Их «компетенция» в этом вопросе несомненна и уже никем не подвергается сомнению. Примеров – море, и Ливия занимает далеко не последнее место.

Не во всякой стране возможна гражданская война. Для этого надо очень постараться. Ливия «постаралась» основательно. В этом отношении можно сказать, что в какой-то момент времени она стала *обреченной на гражданскую войну страной*.

До революции 1969 года Ливия находилась под всеобъемлющим влиянием иностранцев. В 1970 году Каддафи изгнал англичан и американцев с военных баз на территории Ливии, а вслед за ними – и агентов западного влияния. Зарубежные нефтяные компании были национализированы. Очень быстро, за считанные годы, Ливия добилась весьма существенных результатов в экономической и социальной сфере. Все это благополучие было обеспечено за счет справедливого распределения ресурсов.

Вот вам и первые два пункта *ливийского «греха»* – удар по нефтяным корпорациям и иной образец хозяйствования в одной отдельно взятой стране.

Все бы ничего, но очень скоро *Муаммар Каддафи* стал демонстрировать ориентацию на СССР, а его политическая система под названием «Джамахирия» или «Государство масс», в рамках которой власть находится в руках тысяч «народных комитетов», стала очень напоминать новую для арабского мира идеологию.

Весьма скоро это превратилась в панарабизм – идею, не новую, но в исполнении Каддафи освеженную, единства всех арабов. Причем идея была подкреплена экономически – Ливия процветала. Это уже было не просто плохо, а весьма опасно, это не «коврижки» и не «бусы», а иные ценности, отличные от принятых в англосаксонском мире.

При этом лично *Муаммар Каддафи* демонстрировал не просто высокий уровень пассионарности, но и редкостную харизму, которая «текла у него прямо из ушей». Скорее всего, именно это и обернулось для лидера Ливии своей обратной стороной. В какой-то момент времени он оказался, в прямом смысле слова, спонсором террористического движения и африканских диктаторов.

И не только спонсором, но и организатором! Как ни крути, а «флер» террористического государства Ливия получила благодаря своему лидеру. И если то, что тюрьмы при нем не пустовали, мало кого волновало, то агрессивная внимательность к делам других стран, как соседей, так и подальше, возмущала всех. При всем уважении к достижениям в экономической сфере страны об этом надо твердо помнить. Без этого невозможно понять, почему террористы уже после смерти Каддафи стали пытаться, и не без успеха, проникать на административные должности практически на всех уровнях властной вертикали.

Речь идет об Арабском легионе, целью которого стала попытка повлиять на мировую политику. В том числе и при помощи терактов, например, на дискотеке в Берлине в середине 1980-х годов. США ответили бомбардировками столицы Ливии. Считается, что именно с этого момента был «включен счетчик» для Ливии.

Наконец, надо помнить о том, что ливийский лидер мечтал, и не только мечтал, но кое-что и делал, о создании панафриканской валюты для торговли «черным золотом». И такая валюта должна была быть обеспечена золотом, в

отличие от доллара. А это уже практически непростительный грех перед всем западным миром. Запад такого не прощает. И он не простил.

Терроризм в действии – начало конца государственности Ливии

В 2011 году начались хорошо и загодя подготовленные западными странами протесты в городе Бенгази. Там развернулись самые кровавые события «арабской весны»: протестовавшие требовали выпустить из тюрьмы адвоката Фатхи Тарбея и сотню исламистов. Когда их требование было выполнено, демонстранты напали на силы государственной безопасности, разгромили полицейские участки и похитили оружие. Само террористическое государство столкнулось с террором по отношению к себе. И оказалось практически бессильно. Как бессильным оказался и сам лидер.

За несколько дней в результате череды предательств восточная часть страны оказалась под контролем мятежников. Следующим их шагом стало требование отставки Каддафи. Западные кураторы, очевидно, халатно отнеслись к своим обязанностям, не зная, что государственных постов вождь Ливийской революции к этому моменту уже не занимал.

Совет Безопасности ООН *ввел санкции против Ливии*, запрещавшие поставку оружия и военных материалов без веских доказательств каких-либо преступлений. Впрочем, западные страны, в частности Франция, сбрасывали оружие мятежникам на парашютах, включая опасные для мирного населения противопехотные мины, никак не подходящие под «средства самозащиты».

Затем, ввиду явных успехов ливийской авиации, по просьбе мятежников запретили полеты, что Уставом ООН не предусмотрено, так как нарушает суверенитет государства-члена. Вооруженные мятежники, признанные «гражданским населением», утверждали, что иначе «случится катастрофа». *США по-своему поняли резолюцию ООН и принялись бомбить Ливию в рамках операции с говорящим названием «Одиссей Даун»*, в результате чего ливийской армии пришлось отступить.

Впоследствии правозащитная организация «Международная амнистия» провела расследование, которое выяснило, что *преступления, в которых обвиняли Каддафи, были сфальсифицированы*. Несмотря на это, так

называемый Международный уголовный суд в Гааге, юрисдикция которого на Ливию не распространяется, постановил арестовать Каддафи.

При этом преступления мятежников и убийства гражданских лиц в результате бомбардировок Ливии силами НАТО зафиксированы в докладе Независимой международной комиссии по расследованию событий в Ливии, их никто арестовывать до сих пор не собирается. Например, в городе Бен-Валид боевиками был применен *боевой газ иприт*, а НАТО применяло *запрещенные кассетные бомбы, бомбы с белым фосфором и обедненным ураном*.

Вскоре при поддержке натовской авиации мятежники захватили столицу, а Каддафи продолжил сопротивление в осажденном Сирте, предпочитая умереть от рук ливийцев, чем попасть в руки гаагского суда. В результате удара самолетов НАТО по колонне Каддафи он был тяжело ранен, по наводке американского спецназа захвачен мятежниками и *после зверских издевательств жестоко убит*.

Алжирское информагентство Algeria-ISP привело подробности зверского убийства полковника Каддафи. По данным информагентств, госсекретарь США Хиллари Клинтон, получив сообщение об убийстве, радостно рассмеялась и заявила, что это «хорошая новость». Для нее эта новость действительно прекрасная. Позже, Клинтон будет по дешевке предлагать покупателям нефть, *украденную у ливийского народа*.

Что имеем в сухом остатке? По неподтвержденным данным, золотой запас Ливии вывезли на грузовиках неизвестные и в неизвестном направлении. Хотя догадаться несложно. Теперь доллару пока ничто не угрожает.

Переворот и убийство Каддафи превратили Ливию из процветающего государства в нестабильное образование, фактически разрушили страну и привели к ее распаду.

Система социальной защиты полностью разрушена, хотя доходы от экспорта нефти никуда не делись. Их теперь получают Франция, Италия и... Исламское государство (ИГИЛ – террористическая организация).

Урон от западных бомбардировок составил 14 млрд долларов, что превышает совокупные потери всех европейских стран от бомбардировок нацистов.

С началом конфликта западные банки заморозили ливийские средства на 150 млрд долларов. Фактически эти огромные деньги похищены, возвращать их никто не собирается. Зато страна должна теперь за обучение и лечение мятежников. Такой долг только перед одной Грецией составляет 150 млн долларов.

Власть номинально перешла в руки псевдодемократов – Переходного национального совета. Реально на местах правят враждующие между собой племена и группировки. Они без перерывов и выходных ведут настоящую войну. Единого ливийского народа как такового больше нет.

В регионе чрезвычайно выросло влияние радикальных исламистов, в частности ИГИЛ (террористическая организация). Они обустроили базы, контролируют крупные районы, казнят людей. Доходы от продажи нефти исламисты направляют на подготовку боевиков со всего мира. *В самой стране расцвели терроризм и бандитизм, нападения происходят ежедневно.* При Каддафи такое было невозможно. Даже сотрудники ЦРУ разместились в «зеленой зоне» возле аэропорта Триполи, откуда при необходимости удобно бежать.

Важный факт: перед смертью Каддафи предупредил, что после крушения Джамахирии орды беженцев хлынут в Европу. Его слова оказались пророческими. Люди, на родине которых либо стало небезопасно, либо они просто не могут найти там достойной работы, сотнями тысяч бросились в Европу, создав невиданный миграционный кризис. Ранее такие мигранты находили работу в Ливии.

В Ливии начался *эксперимент*, в ходе которого террористические структуры фактически встроились в государственное управление. В особенности это ярко проявляется непосредственно в Триполи. Именно там Правительство национального согласия во главе с *Сарраджем* стало представительством террористов на государственном уровне.

Сейчас Правительство национального согласия является *юридически нелегитимным, не пользуется никакой поддержкой среди населения*, финансово подпитывается от непрозрачных схем продажи ливийской нефти, ПНС удерживает власть только силой, за счет террористов и военной поддержки Турции.

Гражданская война как основной инструмент реализации террористических замыслов

«Так называемый «постреволюционный переход к демократии» после свержения и убийства в октябре 2011 года ливийского лидера вылился в самую настоящую гражданскую войну всех против всех, и пришествие, в конечном итоге, на земли некогда спокойной африканской страны террористической организации «Исламское государство» (ИГ), запрещенной в РФ. Последовавшая затем фактическая дезинтеграция ливийского государства привела к возникновению «второй зоны военных действий» на Ближнем Востоке, в результате которых были затронуты жизненно важные интересы многих тысяч ливийцев. Почти треть более чем шестимиллионного населения страны была вынуждена покинуть Ливию, став беженцами в Тунисе, Египте и других государствах. Только с ноября 2014 года около 450 тысяч жителей страны оказались на положении временно перемещенных лиц». Так считает один из экспертов-африканистов Виктор Гончаров. (Ливия – новый фронт борьбы против терроризма. <https://interaffairs.ru/news/show/15294>).

Но есть и еще более важное обстоятельство. Под «шумок» местных межэтнических разборок в Ливии стали появляться джихадисты со всех городов и всего арабского мира. Такие террористические организации как «Аль-Каида стран исламского Магриба» и нигерийская «Боко Харам» и прочие представители воинствующего исламизма.

В условиях отсутствия сильной центральной власти они оказались куда более организованнее, чем доморожденные революционеры. Особенно выделялась ИГ, запрещенная в РФ, которая, помимо создания опорных баз, с самого начала вынашивала далеко идущие планы. Очень быстро все местные радикальные группировки оказались подмятыми именно этой организацией.

Уже к началу 2015 года игиловцы закрепились над «вотчиной» Муаммара Каддафи – городом Сирт. В этом месте они стали контролировать до 290 км побережья. Стратегически это очень важное место – отсюда возможны прямые удары по Европе. Одновременно здесь хорошие условия для тылового обеспечения боевых операций в соседних странах, где не все гладко складывается для воинствующих джихадистов. Ну и моральный аспект нельзя не учитывать – это родной город Каддафи, поэтому особенно почетный трофей.

Необходимо отметить и еще одно важное обстоятельство. В Ливии фактически сформировался террористический интернационал, заменивший чисто ливийский. В прессе упоминаются и сенегальцы, и нигерийцы из «Боко Харам», и иракцы, и выходцы из Туниса, Египта, Судана.

Понятно, что эти наемники приехали в Ливию не просто так, а за вполне конкретными деньгами. Цифры называются разные, но речь идет о нескольких тысячах человек. Впрочем, кто это мог бы сосчитать и проверить. Разве только тот, кто видел платежные ведомости. (<http://newsland.com/Nutau>content/5037267>, <http://inosmi.ru/social/20160211/235377659.html>).

Оценочно, по мнению самих ливийцев, до 70% боевиков это иностранцы. (<http://russian.rt.com/article/157881>). В разных источниках сообщается о том, что боевики готовят своих собственных летчиков. А это довольно болезненно воспринимается американцами, хорошо запомнившими урок 11 сентября. Волнуются и европейцы. Лететь с побережья Ливии, к примеру, до Италии, всего ничего.

Арабская газета «Аш-Шарк аль-Аусат» сообщила, что в октябре 2015 года в руках террористов ИГ (организации, запрещенной в РФ) в Ливии оказался «современный авиатренажер, возможно, поставленный из-за рубежа», который позволяет отрабатывать навыки взлета и посадки при управлении самолетом. К обучению на этом тренажере привлечены бывшие офицеры ливийской армии, которые имеют опыт управления воздушными судами. Комментируя это сообщение, один из экс-сотрудников ЦРУ в эфире FOX NEWS заявил, что это создает угрозу нападений, подобных терактам 11 сентября 2001 года в США. Ему вторит другой бывший разведчик, на этот раз

израильский: «Речь идет о базовых, элементарных навыках пилотов, которые могут поднять в воздух легкий самолет и врезаться, например, в Ватикан. Из Ливии до Рима лететь всего полтора часа». (http://vpk.name/news/145668_smi_gruppirovka_d).

Таким образом, Ливия под пятой исламистов становится угрозой для усиления террористической напряженности для Туниса, Алжира, Чада, Судана. Не могут себя чувствовать спокойно ни Мали, ни Нигер, ни Мавритания. Тунис уже испытал на себе первые приступы террористической угрозы. Как свидетельствует эксперт: *«В марте 2015 года в результате нападения террористов на Национальный музей Бардо в столице страны были убиты 22 человека, в основном иностранные туристы, а в июле того же года на пляже одного их курортных городков были расстреляны 38 европейцев, главным образом британцы, и еще около 40 человек получили ранения. 24 ноября последовал новый террористический акт: на сей раз исламисты организовали нападение на охрану тунисского президента, когда террорист-смертник взорвал себя у автобуса с бойцами президентской гвардии. В результате этого теракта 13 человек погибли и 20 получили ранения».* (Ливия – новый фронт борьбы против терроризма. <https://interaffairs.ru/news/show/15294>).

Но представляется, что еще более важным последствием фактической оккупации Ливии боевиками-исламистами является постепенное проникновение, а фактически *захват ими административных постов*. Это означает, что идеология ИГ начинает обретать признаки государственности. И это теперь не название организации, запрещенной во многих странах, а по сути представители публичной власти конкретной страны, со своей территорией и населением. И не беда, что это весьма специфическая власть, заставляющая население жить по законам шариата. Это теперь и полиция, и суд, и даже налоговая инспекция. Формально все очень цивилизовано. Как у всех. (<http://aftershock.su/?q=node/353637>).

Параллельно, сторонники Каддафи, вначале весьма разобщенные, постепенно пришли в себя и стали создавать соответствующие структуры для борьбы за власть. На развалинах некогда процветающего государства постепенно выкристаллизовались две противоборствующие силы, как это и бывает в любом гражданском конфликте. Вот как это описывает один из

экспертов: *«Основная разница между этими объединениями, в первом приближении, заключается в том, что, если одно представляет собой исламистских фанатиков, требующих введения в стране законов шариата, то второе, ориентирующееся, в том числе, на бывших сторонников прежнего режима, выступает за сохранение светского государства. Естественно, все это следует рассматривать через призму весьма острого межплеменного и регионального соперничества. Гражданская война в Ливии является, по существу, лишь одним из фронтов более широкого театра военных действий, развернувшихся на Ближнем Востоке и Северной Африке между сторонниками светского пути развития и исламистами».* (<https://interaffairs.ru/news/show/15294>)

Естественно, что случались попытки перевести все из горячей фазы в какой-либо диалог. Так, 17 декабря 2015 года было подписано Ливийское политическое соглашение в городе Схират (Марокко). Именно на основе этого соглашения было образовано Правительство национального согласия (ПНС), возглавляемое Файезом Сарраджем. Однако правительство сразу оказалось под влиянием бандитов и террористов Триполи.

Вот как сам Файез Саррадж описывает это в своем интервью: «Многие вооруженные формирования были «поглощены» институтами ПНС, что «позволило решить проблему мирным и тихим способом (25.02.2020)». (<https://ria.ru/20191015/1559807772.html>). Лидер нашел вполне приличную формулу. Но на самом деле она означает, что на территории Триполи банды, смешанные с представителями международных террористических сетей, легализовались через министерство внутренних дел и министерство обороны ПНС, по сути оставаясь теми же бандитами, которые занимаются рейдерством, похищением людей и другими противоправными действиями.

Характерный пример – Абд аль-Рауф Кара, который сегодня удерживает центр Триполи, основные правительственные здания, аэропорт Митига. При этом бандиты Триполи контролируют ПНС, возглавляемое Файезом Сарраджем. Саррадж обеспечивает бандитам официальное прикрытие, закупает вооружение на деньги от продажи нефти. Об этом многократно говорили международные эксперты. Срок полномочий ПНС по Схиратским соглашениям закончился в начале 2018 года. ПНС не выполнила своих

главных задач – принятие Конституции и проведение выборов президента Ливии. И допустила во власть террористов.

«В Ливии уже никто ни с кем не воюет. В стране не двоевластие, а хуже — как минимум пятивластие. Отдельно есть два правительства, две нефтяные компании, два центральных банка — на востоке и на западе. Но им не подчиняются ни местные кланы, ни племена, ни внутренние нефтяные провинции в Сахаре. Ливия — единственная территория на планете, в которой была прямая связь на протяжении многих лет с тем самым пресловутым Исламским государством на территории Ирака и Сирии», — отметил востоковед Евгений Сатановский.
(<https://www.vesti.ru/doc.html?id=3135680>)

Можно ли в оккупированной террористами стране установить мир?

Некоторые эксперты считают, что крайне негативные последствия американской политики по отношению к Ливии стали предметом острой полемики во время предвыборной кампании в США (2016). Кандидат на пост президента от Республиканской партии Дональд Трамп в интервью CNN заявил, что свержение иракского и ливийского режимов принесли Штатам больше вреда, чем пользы. При сохранении у власти Саддама Хусейна в Ираке и Муаммара Каддафи в Ливии мир был бы менее разобщен, а ситуация на Ближнем Востоке была бы более стабильной, подчеркнул американский миллиардер. Теперь же, по его мнению, Ирак и Ливия превратились в буквальном смысле слова в «университеты терроризма». (Трамп: если бы Хусейн и Каддафи были бы у власти, мир был бы лучше. <http://ria.ru/world/20151026/1308149607.html>).

Что касается Барака Обамы, то 10 апреля 2016 года в интервью CNN своей самой большой ошибкой за время своего президентства он также признал интервенцию в Ливии. (Провал вторжения в Ливию Барак Обама признал своей главной ошибкой. vz.ru/news/2016/4/10/804596.html).

Становится уже привычным и даже общим местом последнее признание англосаксов о своих нелицеприятных поступках в той или иной стране. Такова их современная политическая культура. От «скорее всего, да», до «скорее всего, нет». Ошибки признавать только тогда, когда ты уже не в должности и твое мнение уже мало кому интересно. Или ты еще не в должности, тогда интереса больше, но сделать ничего еще не можешь. Вся культура помещается между «уже» и «еще», или наоборот.

Ответ же на вопрос «Когда же это кончится?» носит пока риторический характер. Предсказать развитие событий в том или ином направлении,

пожалуй, сейчас невозможно. И причина достаточно очевидна. Слишком много противоречивых интересов столкнулось на этом хотя и не очень большом, но весьма важном участке суши африканского континента.

При этом многофакторность присуща как внутри самой Ливии, так и, как сейчас принято выражаться, на внешнем контуре.

Внутри Ливии, среди тех, кто пока держит в руках (или за спиной) оружие, главная проблема состоит в том, что пока не нашлось такого лидера, как Каддафи. Его посмертное влияние ощущается весьма сильно. Все участники событий, вольно или невольно, сравнивают себя либо с личностью этого лидера, либо с той жизнью, что была при нем. С этой же позиции оцениваются и возможные претенденты на лидерские позиции. И они такое сравнение проигрывают.

Все ливийцы, а тем более иностранные «специалисты», знают, *что у кого нефть, у того и власть*. И схватка за этот ресурс идет нешуточная, вплоть до военного противостояния.

В последних числах апреля 2016 года генерал Халифа Хафтар приступил к проведению широкомасштабной военной операции под кодовым названием «Битва за Большой Сирт», целью которой, по всей видимости, являлось не только освобождение бывшей вотчины Муаммара Каддафи от боевиков ИГИЛ (здесь и далее – террористическая организация), но и установление контроля над прилегающими к этому городу нефтеносными районами, нефтяными терминалами и НПЗ.

В свою очередь боевики объявили мобилизацию. Как пишет эксперт: *«Эти действия правительства в Тобруке, в случае успешного проведения этой операции, не только подтвердят его международную дееспособность, до недавнего времени признававшегося ООН и странами Запада в качестве единственного законного правительства в Ливии, но и усилят его влияние на дальнейшее развитие внутривнутриполитической ситуации в стране в целом и продемонстрируют «ущербность» односторонней политики Запада в Ливии по подбору вчерашних «Братьев-мусульман» и алькаидовцев для борьбы с ИГ».* (Ливия – новый фронт борьбы против терроризма. <https://interaffairs.ru/news/show/15294>)

На этом фоне англосаксонский альянс стал достаточно откровенно и вполне публично обсуждать возможность направления в Ливию своих вооруженных сил. Если, конечно, ПНС обратится к ним с такой официальной просьбой. Однако в конечном итоге глава дипломатии ЕС Могерини и генсек НАТО Столтенберг выступили с заявлениями о том, что страны НАТО

ограничатся только подготовкой ливийских военнослужащих и предоставлением соответствующего вооружения и снаряжения для борьбы с ИГ. (Ливия – новый фронт борьбы против терроризма. <https://interaffairs.ru/news/show/15294>).

Известно, что внешняя интервенция всегда провоцирует рост национализма, предсказать последствия чего практически невозможно. А то, что это была бы совершенно откровенная интервенция, не сомневается никто, и переубедить общественное мнение было бы практически невозможно не только в Африке, но и в остальном мире.

Все чаще и чаще в головах западных, и не только, экспертов появляется мысль, что *Саррадж способен установить контроль над всеми государственными структурами, в том числе и в отдельных территориях*. А без этого *организация процесса национального примирения между людьми, пролившими немало крови друг друга, скорее всего, будет невозможна*. Тем более будет сложно, если вообще возможно, наладить нормальную жизнь и выкурить из многих местных администраций воинствующий контингент боевиков.

Боевики из сирийского Идлиба являются своеобразной подпиткой для террористического Правительства национального согласия (ПНС) Ливии. Такое мнение озвучил эксперт Центра военно-политической журналистики Борис Рожин. (<https://rueconomics.ru/421024-terroristam-pns-livii-vygoden-razgul-banditizma-v-strane-ekspert>)

Одним из главных препятствий на пути национального примирения являются не столько политические и религиозные разногласия. Местные лидеры вооруженных ополчений опасаются, что после урегулирования конфликта они лишатся тех или иных политических преимуществ или материальных ресурсов, которыми они сегодня располагают.

Таким образом, как внутри, так и снаружи (геополитически) существуют множественные и материальные, и политические интересы, согласование которых весьма и весьма проблематично.

«Как показывает практика политического решения подобного рода конфликтов в Афганистане, Ираке и Сирии, и, учитывая, в первую очередь,

высокую степень напряженности межэтнических и межрегиональных противоречий, глубоко укоренившееся за годы безвластия присутствие исламистского радикализма, подпитываемого отдельными внешними игроками, которые на сегодняшний день практически вышли из под контроля Запада, рост сепаратистских настроений в нефтедобывающих районах, отсутствие более или менее справедливой схемы распределения доходов от экспорта нефти для равномерного развития всех районов страны, с большой долей вероятности можно утверждать, что процесс внутривосточного урегулирования и искоренения на территории некогда процветавшей Джамахирии нового очага международного терроризма будет носить противоречивый характер и затянется на долгие годы. Во всяком случае, на сегодняшний день ярко выраженное всеобщее стремление всех противоборствующих сторон мирно разрешить существующие противоречия, положить конец междоусобной войне, объединить усилия в борьбе против ИГ и вывести страну, оказавшуюся на грани полного раскола и экономического коллапса, на траекторию устойчивого развития пока не просматривается». (Виктор Гончаров. Ливия – новый фронт борьбы против терроризма. <https://interaffairs.ru/news/show/15294>)

Вплоть до 2019 года ситуация в Ливии развивалась как типичный тупиковый процесс. Так что активное подключение Российской Федерации выглядит как вполне логичное действие активного и авторитетного игрока на глобальном поле. Российский президент начал с одного из главных внешних действующих лиц – Турции. 8 января 2020 года Россия предприняла первые шаги на официальном уровне на пути к урегулированию ситуации в Ливии, этому поспособствовал диалог президента РФ Владимира Путина и лидера Турции Реджепа Тайипа Эрдогана.

Встреча турецкого и российского лидеров произошла в Москве, а ее итогом стало заключение перемирия между противоборствующими сторонами в Ливии в ночь с 11 на 12 января. Миссия ООН, занимающаяся ливийским вопросом, приветствовала прекращение огня и призвала стороны соблюдать перемирие. В ООН также заявили о готовности поддержать ливийцев и «помочь найти мирное и окончательное решение кризиса». Представители триполитанского правительства заявили о высокой оценке усилий России и Турции, направленных на поиск решения конфликта в стране.

На следующий день, 13 января, Москва инициировала переговоры главы Правительства национального согласия (ПНС) Ливии Файеза Сарраджа с фельдмаршалом Ливийской национальной армии (ЛНА) Халифой Хафтаром. Переговоры глав внешнеполитического и оборонного ведомств России и Турции с представителями Ливии длились более шести часов. Файез Саррадж в тот вечер подписал соглашение, однако с условием отреагировать на любое нарушение договоренностей, а президент России Владимир Путин 16 января получил благодарственное письмо от командующего Ливийской национальной армией Халифы Хафтара. Фельдмаршал выразил полную поддержку российской инициативе по примирению сторон ливийского конфликта.

Глава МИД России Сергей Лавров сообщил, что на московских переговорах сразу несколько участников ливийского конфликта подписали документ о перемирии, однако Хафтар взял дополнительное время, чтобы принять решение. Президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский в эфире НСН отметил, что большего от Хафтара не стоило ожидать: *«То, что Хафтар приехал в Москву, говорит о фантасмагорическом влиянии России на сегодняшнем Ближнем Востоке. Я бы никогда в жизни не предположил, что он поедет куда-то, куда поедет Саррадж. Этого более чем достаточно. Мы имеем дело с регионом, где каждый сам себе режиссер. Там никто ни на кого влиять по-настоящему не может. Тем более если говорить о ливийцах, которые абсолютные анархисты. То, что он вообще приехал, означает высочайшую степень влияния на ситуацию. Но не будет никто ничего по определению подписывать. А если и подпишет, то в Ливии никто ничего не будет выполнять»*, – сказал востоковед. Он подчеркнул, что сама идея «перемирия» для ливийского менталитета звучит попросту глупо и наивно: *«Ни с кем нельзя договориться в Ливии. Там можно кого-то прикончить, захватив, можно обмануть, можно изгнать. Но не договариваться. Ливийцы недоговороспособны. Это чисто европейская глупость, что можно всех со всеми примирить, найти баланс»*, – заключил Сатановский. (<https://tertiaroma.livejournal.com/1105503.html>)

19 января 2020 года прошла международная конференция в Берлине при участии России, США, Турции, Египта, ряда других стран, а также

представителей ЕС и ООН. Однако судьба ливийцев решалась без участия представителей страны: Файезу Сарраджу и Халифе Хафтару предложили рассмотреть достопримечательности Берлина, в то время как европейцы будут заниматься поиском путей решения конфликта в стране. Итоговый документ, составленный в заключении мероприятия, фактически полностью дублировал Схиратские соглашения, которые не дали никакого результата. Эти и другие факторы свидетельствуют о том, что российская площадка все же лучше подходит для переговоров, как минимум, потому, что там *учитывается голос вовлеченных сторон*. (Путин считает, что ситуация в Ливии дестабилизирует весь Ближний Восток. <https://ria.ru/20191013/1559722831.html?in=t>).

Таким образом, пока остается надеяться, что усилия России окажутся более продуктивными, чем попытки иных стран урегулировать гражданский Ливийский конфликт. Он явно затягивается, и это становится угрозой.

Отдельные комментарии из сети Интернет. Свидетельства очевидцев. История своими глазами. Рассказ жителей Архангельской области, которых судьба забросила в Ливию (2011).

Беспорядки начались неожиданно. 19 февраля в Бенгази группы молодежи и подростков шатались по городу и громили все на своем пути. На наших глазах был уничтожен городской парк, созданный совсем недавно иностранцами по заказу правительства страны. Подростки (так называемые борцы с диктатурой Каддафи) вырубали и сожгли деревья в парке, вывернули скамейки, изуродовали все, что смогли. Затем погромы перекинулись на дома, где жили иностранные рабочие. Квартиры гробились и поджигались. Иностранные рабочие (из стран Азии и Африки) в желтых касках, которые они носили как отличительные признаки, стали объектом нападения со стороны вооруженных дубинками молодых людей.

Стало понятно, что творится что-то неладное. По телевизору новости западных телеканалов сообщали о народном восстании и об атаках правительственных войск, которые обстреливают Бенгази из артиллерии и бомбят с воздуха, хотя ничего подобного не было.

Мы решили, что надо уезжать. Приехали в рабочий поселок. Домики, в которых жили турецкие рабочие, были уже сожжены, турки разбежались. Половина должностных лиц нашей фирмы состояла из ливийцев и примерно

половина из австрийцев. Австрийцы получили распоряжение на организованную эвакуацию. Французы и немцы никуда не собирались.

В Бенгази наступил хаос, мародерство. На своей машине, забрав минимум вещей и трех ливийцев, мы выехали в Триполи, а это более тысячи километров.

Что сегодня происходит в Ливии? Сегодня в Ливии бандитская вольница. Власти в Ливии нет. Каждая банда имеет свои тюрьмы, где сидит множество ни в чем неповинных людей. Врачи без границ покидают Ливию, они не могут восстанавливать людей после жесточайших пыток. Страну разбомбили до смерти с помощью НАТО. (<https://svgbdvr.ru/ostraya-tema/zachem-razbombili-liviyu>)

5.2 Основные выводы: Ливия настоящая по результатам исследований

Страна находится в глубоком социально-экономическом кризисе, связанном, в первую очередь, с политической нестабильностью и отсутствием безопасности. Ливия – это первая страна мира, в которой с ведома США реализован эксперимент, в ходе которого террористические структуры встроились в государственное управление. Правительство национального согласия (ПНС) во главе с Сарраджем фактически стало представительством террористов на государственном уровне, узурпировав власть в Ливии. Сейчас ПНС является юридически нелегитимным, не пользуется никакой поддержкой среди населения, финансово подпитывается от непрозрачных схем продажи ливийской нефти и удерживает власть только силой, за счет террористов и военной поддержки Турции.

В отличие от прежних попыток ИГИЛ (террористическая организация), террористы в Ливии попытались найти международное признание как легитимная структура управления страной, мимикрируя под обыкновенных политиков и чиновников.

5.3 Краткое резюме экспертных интервью с политиками (май 2019)

В тексте приведены наиболее показательные выдержки из отдельных экспертных интервью.

1. Председатель Государственного совета Халед аль-Мишри. Триполи (первая встреча)

Председатель Госсовета Ливии (консультативный орган) **Халед Мишри**, имеющий гражданство Турции, по факту – главный человек в Триполи, определяющий внутреннюю и внешнюю политику ПНС. В 2019 году формально вышел из партии «Справедливость и развитие» (легальное крыло «Братьев-мусульман» в Ливии).

Эксперт произвел впечатление очень образованного политика европейского типа. Прибыл на встречу вовремя (для ливийцев редкость), говорил четко и по делу, без свойственных восточным людям долгих реверансов.

Мишри подтвердил озвученное им ранее нашим коллегам в Стамбуле желание получить в результате нашей работы наиболее полную и объективную картину социально-политической ситуации в Ливии и электоральных перспектив политиков, входящих в Правительство национального согласия. Он подчеркнул, что понимает важность объективной картины для успешного проведения избирательной кампании.

Председатель Государственного совета Халед аль-Мишри. Триполи (вторая встреча)

Нами были озвучены полученные данные о социально-политической и гуманитарной ситуации в Ливии. Особую озабоченность Мишри вызвала неудовлетворительная картина электоральных перспектив политиков, связанных с движением «Братья-мусульмане». По его словам, он понимал необходимость дистанцироваться от движения, поэтому заявил о выходе оттуда, однако не представлял себе степень непопулярности этого движения. По его мнению, тот факт, что ни один из политиков, входящих в ПНС, не имеет сколько-нибудь значимых электоральных перспектив, ни в коем случае нельзя публиковать. В ответ на наше замечание, что публикация объективной картины является основной нашей задачей, он заявил, что в ближайшие дни обсудит это с Сарраджем, и мы придем к общему пониманию в этом вопросе.

По его словам, возможно публиковать такие данные лучше после окончания активной фазы боевых действий в Триполи. Также Мишри заявил, что, по его сведениям, выборы состоятся нескоро.

2. Глава ПНС Файез Саррадж. Триполи

Файез Саррадж – глава Правительства национального согласия, семья давно живет в Лондоне.

Глава ПНС подтвердил важность проведения исследовательской группой объективного и всестороннего исследования. Он выразил надежду на то, что наше исследование послужит толчком для развития двусторонних российско-ливийских отношений. Заявил о своей заинтересованности в визите в Москву, а также сказал, что горячо поддерживает идею возвращения в Триполи российской дипломатической миссии. В случае необходимости, он готов оказать любую поддержку. Файез Саррадж также попросил о встрече по результатам исследования и совместного определения, какие из полученных нами данных можно публиковать, а какие нельзя.

3. Высокоставленный чиновник ПНС просил не раскрывать свое имя и должность.

Встреча проходила за пределами Триполи, в ходе встречи велась диктофонная запись. Разговор приведен дословно.

– *Что, на ваш взгляд, сейчас происходит в Ливии?*

– Я бы сначала четко разделил то, что происходит в Триполи и Мисрате, и то, что происходит во всей остальной Ливии. Здесь вам никто не скажет всей правды, даже я. Все боятся, и я боюсь. Устал бояться, но, поймите, я хочу жить, у меня семья, дети. Мы строим в Ливии исламское государство. ИГИЛ.2.0 (здесь и далее – террористическая организация). Нового образца, без фанатиков во главе, без этих смешных лозунгов, но по факту – что-то куда более страшное. Это бизнес, просто бизнес. Терроризм нужен миру, и если бы ИГИЛ не было, его точно кто-нибудь придумал бы. Мы в Триполи – строим этот бизнес-проект. Конечно, кто надо, те в курсе, – США, турки, кое-кто в Европе. Они платят, они дают оружие, они помогают закрывать глаза в ООН. Наивные, они думают, что контролируют проект. С Бен Ладеном они тоже так ошибались. Мне кажется, заказчики сидят где-то еще, но кто это, я не знаю. Наверное, в США, у других бы духу не хватило и денег на такой мега-проект.

– *Слишком жесткие обвинения, а доказательства есть?*

– Доказательства? Смотрите сами: США в 2011 году тут все разбомбили и ушли. Просто ушли – так все в это и поверили. И с тех пор раз в год заявляют, что им Ливия не интересна. Они вроде как не при делах, когда все остальные замазываются в этом конфликте. Победит ИГИЛ (здесь и далее – террористическая организация) – они получат то, чего хотели. Победит Хафтар, а он ведь гражданин США, – они скажут, что это они победили ИГИЛ, и просто возьмут у него власть. ЦРУ, кстати, у нас сидит и присматривает, да ты и сам их видел.

– *Даже не знаю, что сказать...*

– Зачем США ИГИЛ в Ливии? Я думаю, они хотят через это контролировать весь регион – и север Африки, и Аравийский полуостров с его нефтью, и юг Европы – всю территорию вокруг Средиземного моря. Это очень удобная точка. ИГИЛ в Ливии может все. Надо поднять мировые цены на нефть – легко. Надо их сбить – пожалуйста. Надо наказать какую-то страну – сколько угодно. Надо создать проблемы Евросоюзу – сделаем. Универсальный инструмент, пока он не выйдет из-под контроля. А он выйдет. А мы здесь – расходный материал, на время, пока нужно соблюдать какие-то приличия. Наши главные научились носить пиджаки, а некоторые даже не носят оружия,

демонстрируют светскость и даже толерантность, посмотрите на Мишри. Это такой цивилизованный ИГИЛ, но я боюсь, что это на время. Им нужно обрести легитимность, поставить президента, проведя через выборы, запачкать в этом процессе как можно больше европейских стран, обретя их поддержку на будущее. Что будет потом, я не знаю.

– А что вы думаете по политикам (показывает карточку с именами политиков)?

– У Мишри и его людей есть проблема – те, кто под ними, не хотят и не умеют маскироваться. Они – бандиты и террористы, и они ведут себя с людьми, как бандиты и террористы. И от того, что Кара или Таджури стали офицерами МВД ПНС, они не перестали быть бандитами и террористами. И все это видят. Аль Кикли – это исключение, он не террорист, он просто бандит. Но его точно сольют. Ну, какой из Ганивы офицер полиции? Он же из тюрем не вылезал при Каддафи и ни разу не сидел по политической статье, обычный уголовник. Такой же расходный материал, как и мы.

Саррадж сам ничего не решает, он пешка, торгует лицом – и больше ничего. Наваси за ним ходят постоянно, чтобы чего лишнего не сказал или не сделал. Он, конечно, по уши замазан, но боится, он же тоже расходный материал. Его сольют, когда надо будет кого-то слить, и он это понимает, понимает, что ему не отсидеться ни в каком Лондоне.

Сейф Каддафи – еще одна страшилка для Запада, запасной вариант. Дескать, если он придет к власти, то будет мстить всему миру за отца. Думаю, только поэтому он до сих пор жив. У него, конечно, везде есть свои люди, но его тоже контролируют.

Хафтар – очень сложный человек, очень жесткий, очень многих успел обидеть за последние годы, плюс за ним шлейф предательства со времен Каддафи, гражданство США и совершенно неуправляемые сыновья, такие же отморозки, как тот же Ганива, и все об этом знают.

Нас ненавидят во всей Ливии, и в Триполи ненавидят, но боятся. Сила Ливии – это ее племена, и они давно бы смели ПНС, но мешает ООН, мешает Хафтар, совсем не та фигура, под которую они бы могли объединиться,

мешает Сейф Каддафи, который затаился и молчит, и его сторонники не знают, что предпринять.

ПНС контролирует лишь малую часть страны, но через нас идет вся нефть, и все вынуждены с этим считаться. ПНС платит Хафтару, и Хафтар работает на ПНС, защищает нефтяные поля, деньги с которых идут на оборону Триполи, даже когда Хафтар наступает на Триполи, как сейчас.

Кто бы мог объединить Ливию и возглавить страну? Не знаю, мне кажется, люди готовы поддержать кого угодно, лишь бы наступил мир. Кого-то со стороны, не связанного с событиями последних лет. Может быть, Найед, может быть Сеннусси, внук Идриса I. Да хоть британская королева, лишь был мир и не было террористов. Тот, на кого укажут и кого поддержат племена, если смогут договориться.

Только, боюсь, этого в ближайшем будущем не случится. Я хочу уехать, и я советую тебе сделать то же самое. Тут плохо сейчас, но скоро будет еще хуже.

4. Президент Палаты представителей Ливии Агила Салех Исса

Первое, на что обратил внимание эксперт, – это то, что он считает Схиратские соглашения недействительными. Единственным легитимным органом государственной власти в стране является Палата представителей. Относительно будущего эксперт считает, что ливийский народ должен самостоятельно решить судьбу страны через урны для голосования. Поэтому следующей задачей он видит проведение всеобщего референдума по конституции, и в случае принятия проекта народом, следующим этапом должны быть проведены выборы временного президента, в которых эксперт готов принять участие в качестве кандидата.

5. Сейф аль-Ислам Каддафи (было проведено несколько встреч)

Из записей Максима Шугалея:

«26.03.2019. В 22:00 состоялся телефонный разговор с Сейф аль-Ислам Каддафи, когда мы договорились о встрече.

27.03.2019. Состоялся телефонный разговор с Сейф аль-Ислам Каддафи, когда мы опять договорились о встрече.

03.04.2019. Состоялась долгожданная встреча с Сейфом Каддафи.

Никогда не назначалось какое-то определенное время. И даже дата. Хотя логически мы понимали, что она произойдет, скорее всего, в темное время суток. Сразу после ужина подошел хозяин дома, в котором мы гостили, Мухаммед и сказал, что нам нужно идти. Мы вышли и увидели наглухо затонированный седан с пулевыми отверстиями на лобовом стекле. За рулем сидел неизвестный мужчина в капюшоне. По темному цвету рук можно было догадаться, что он приехал с юга Ливии. Хозяин дома предложил нам сесть. Я сел сзади, переводчик – на переднее сидение. Мы были одеты в куртки с капюшонами, и наш водитель-незнакомец приказал надеть их. Однако надев их обычным образом, мы его не удовлетворили: он грубо дернул за капюшон переводчика и пригнул его голову к торпеде автомобиля. То же самое сделал и мне, но заставил лечь на пол машины. Мы с переводчиком почувствовали себя едущими в неизвестность с мешками на головах. Мы ехали в незнакомой стране с совершенно незнакомым человеком в неизвестном направлении. Мелькала мысль, а не похитили ли нас. А может, и нет никакого Сейфа? А есть только ушлые парни, которые зарабатывают на выкупе простоватых иностранцев. Но мы приехали именно туда, куда и должны были. В небольшой домик в горах.

Сейф Каддафи говорил, что в 2011 году произошла социальная и гуманитарная катастрофа. Ливийская политика рухнула, ее место занял криминал, и все это произошло под влиянием западных стран, прежде всего США, Великобритании, Франции, Италии, которые боялись сильной Ливии, боялись, что Ливия станет важным игроком на африканском континенте. Сегодня Ливии нужны выборы, потому что только через выборы возможно прямое волеизъявление ливийцев, в то же время криминал, который находится у власти в стране, выборов не хочет, потому что он понимает, что в случае проведения честных демократических процедур они в лучшем случае

потеряют власть, в худшем – окажутся в тюрьме. Именно поэтому выборов в Ливии нет уже с 2014 года, хотя и тогда таковыми их можно было назвать с большой долей относительности: явка составила менее 10%.

Сейф прекрасно понимает, что он является самой известной и популярной политической фигурой, поэтому и хочет честных выборов.

Ведет себя очень непринужденно, встретил нас в традиционном бедуинском одеянии. Говорит быстро, четко, уверенно, иронично и очень дружелюбно. Если нам случалось по незнанию задать неприятный вопрос, он реагировал спокойно и никогда не выходил из себя. Со слов переводчика, в отличие от многих нынешних ливийских политиков, говорит на очень хорошем арабском языке, что свидетельствует о высоком уровне образования».

5.4 Краткое резюме глубинных интервью с гражданами Ливии (март–апрель 2019)

В тексте приведены наиболее показательные выдержки из отдельных интервью с жителями.

1. Сотрудник Центрального банка Ливии. Триполи

– Система финансов ПНС – это очень закрытая информация, всего не знает никто. Поэтому и международный аудит не хотят допускать, несколько раз пытались все «причесать» для аудиторов, но в итоге от идеи отказывались, слишком много тайн зарыто в бухгалтерских документах. Я могу о чем-то рассказать со слов коллег и друзей, но полноты картины это не даст. Это темные дела, и за попытки в них влезть можно поплатиться головой. Все знают, что власти зарабатывают на разнице между официальным и черным курсом ливийского динара, это же касается и денежных аккредитивов, выпускаемых ЦБ для выплаты зарплат работникам госсектора. Объемов, естественно, никто не разглашает.

Нефть – ну это все знают, нефть – основной источник наполнения бюджета. НКК контролирует продажи нужным посредникам, таким как Glencore или Vitol, деньги прокручиваются в Европе, в английских и

итальянских банках, и частично возвращаются к нам в ЦБ. Весь процесс под контролем «братьев», они рулят и в ЦБ, и в НК, и в ПНС. Так что там все прозрачно, во всяком случае, для «братьев», и лишнего никто не возьмет. Саррадж? Да, у него есть свой интерес, через его брата проходит часть средств от продажи нефти, и на безбедную жизнь семьи в Лондоне хватает. Но это малая долька, миллионы, а речь идет о миллиардах.

Борьба за нефть внутри Ливии – это борьба за ее охрану. Охрана имеет по полдоллара с барреля – это очень неплохие деньги. Поэтому при конфликтах вокруг нефтяных полей все происходит относительно мирно, нефтяников не обижает никто. Просто новые люди берут поля под охрану, Саналла приезжает, заключает с ними договор, и так до следующего захвата. Сейчас большинство полей под Хафтаром, и, насколько я знаю, ему по-прежнему платят за охрану.

Контрабанда нефти? Да, есть, амазиги возят через границу с Тунисом, из-под Хафтара возят в Египет, но объемы незначительны, по трубам дешевле и проще, чем бензовозами.

Есть еще Ливийский инвестиционный фонд, наследство Джамахирии, там большинство активов заморожено, это что-то около 70 млрд долларов, но есть всякие лазейки, ведутся судебные тяжбы в Великобритании, США, и периодически какие-то деньги приходят. Это не моя тема, я ее совсем плохо знаю.

Есть международная помощь, ее много, европейцы, видимо, испытывают чувство вины за 2011 год и охотно дают денег на всякую ерунду, ПНС их осваивает. Особенно актуальные статьи: борьба с терроризмом, безопасность и нелегальная миграция. Это все сразу попадает в Ар-Раду, Ан-Наваси, революционерам Триполи – они же у нас главные борцы с терроризмом (*ирония*) и нелегальной миграцией.

Турция и Катар? Эта помощь исключительно через «братьев», и чаще через Мисрату, ее настоящих объемов никто не знает. По слухам, Турция перестала давать деньги, теперь все идет товаром. Нет, там не только оружие и боеприпасы, там и продукты, и амуниция, и многое другое. Но оружия да, много. Нет, это не связано с Хафтаром, это связано с тем, что особо умные пытались эти деньги освоить самостоятельно.

Мисрата – это вообще особое место. Там крупнейший на побережье канал контрабанды. Чадское золото – да, идет через Мисрату в Турцию, это все знают.

Деньги у ПНС есть, и их много, но много за счет того, что Востоку, конечно, не доплачивают. Югу платят больше, но там и людей меньше. А на Западе людям, конечно, платят, но и только. Новых проектов нет, все живут одним днем. Что будет дальше? Знаете, не хочу об этом думать, очень это печально.

2. Директор департамента образования. Триполи

Основными проблемами Ливии он видит вмешательство иностранных государств во внутреннюю политику, отсутствие безопасности из-за непрекращающейся гражданской войны, разгула преступности, наличия огромного количества оружия у населения и из-за влияния банд и террористических организаций на власть в стране. Экономическую ситуацию осложняет физическая нехватка наличных денег в обороте. В будущем собеседник видит Ливию единой и централизованной страной. Не считает необходимым условием для достижения мира в Ливии предоставление племенам из числа национальных меньшинств (тубу, туареги, амазиги) автономии.

3. Бывший высокопоставленный офицер армии. Триполи

Основную проблему видит в незащищенности семей военнослужащих, отсутствие гарантий социальной защиты и медицинского обслуживания.

«Сейчас Ливия худшая страна в регионе. Соседи презирают нас, потому что мы убили своего лидера. Граждане не чувствуют себя в безопасности, люди живут с постоянной угрозой войны, террористического или бандитского нападения. Жизнь стала намного дороже, люди обеднели».

Офицер убеждал меня, что у Ливии нет союзников среди других стран. Главными врагами, разрушившими страну в прошлом и продолжающими ее разграбление в настоящем, являются Америка, Британия, Франция.

4. Офицер полиции. Триполи

Офицер с ностальгией относится к временам Муаммара Каддафи. Когда ему было 23 года, и он женился, то получал от государства материальную помощь для строительства жилья. Сейчас нет никакой поддержки, нет государства, которое бы заботилось о социальных нуждах граждан и обеспечивало бы их безопасность, нет в принципе государственной власти. Главные проблемы страны в настоящее время – «это бандиты, которые повсюду, они подменяют собой государственные институты, непрекращающаяся гражданская война и полный упадок медицинского обеспечения населения». Соседние страны, по его мнению, «раньше уважали нас, а теперь мы для них убийцы своего лидера. Мы потеряли свою честь, опустились до дикарей». Он также отметил несоответствие между пропагандой и реальным положением дел. «ООН на словах за мир, а по сути, они разжигают конфликт, поддерживая удобных им марионеток. Поэтому нет никакого доверия новостям в социальных сетях и большинству СМИ».

5. Учительница начальных классов из района Фашлум. Триполи

Собеседница отметила, что уровень образования в Ливии становится хуже год от года.

«Я всю жизнь проработала учителем, мне грустно это наблюдать. Дети редко выезжают куда-то за пределы Триполи, все живут в своем маленьком мире, часто даже за пределы района не выезжают. Занятия часто отменяют, во многих школах дети не обеспечены элементарными условиями для учебы».

В последнее время учеников в классе становится меньше. Родители детей из других районов боятся отправлять их в школу, опасаясь агрессивных действий со стороны группировок. Молодежь не хочет идти преподавать в школы. Все хотят уехать, ситуация в стране сложная, все это понимают, будущего не видят.

«Мне некуда ехать, вся семья живет в Триполи. Стараюсь научить детей тому, чему учили нас наши прекрасные учителя. Все, конечно, переживают из-за новых столкновений вокруг Триполи и боятся. Мы боимся, что нас будут использовать на войне. Я беспокоюсь за детей, они заслуживают лучшего будущего».

6. Хозяин бакалейной лавки в районе Старый Город. Триполи

Собеседник попался очень веселый, но в то же время видно было, что он тщательно подбирает слова: «Безопасность в Триполи? Альхамду Лилля, Слава Богу, все неплохо. В городе можно спокойно жить и работать. Группировки обеспечивают безопасность, на улицах всегда много полиции. О себе тоже не забывают. Их представители приходят к нам, торговцам, и устанавливают «плату» за возможность торговать. Люди вслух не жалуются, лучше так, чем хаос. Я торгую кожаными изделиями, сумками. До новой войны под Триполи «плата» была достаточно умеренной, но месяц назад ее резко подняли. Бывают дни, когда даже хорошо поторговав, мы все равно уходим в минус после того, как приходит представитель группировки, держащей район, и требует «мзду» «за охрану». Люди не жалуются, потому что были моменты за последние годы, когда шла война за влияние между ВПГ, когда любой мирный житель мог попасть под случайный обстрел, мародерство процветало. Сейчас все относительно спокойно.

Есть районы более благополучные, есть менее. Это зависит от того, какая группировка держит район. В Абу Салиме, например, очень опасно, у меня там одно время находился склад, мне пришлось перенести его поближе к центру города, несмотря на то, что это дороже. Двое моих знакомых, державших там свой товар, лишились его, все вычистили мародеры. Группировки в Абу Салиме не церемонятся с простыми гражданами, занимаются вымогательствами. Мы думали, что новая война немного успокоит их, но на деле все стало только хуже».

7. Адвокат. Район Триполи ас-Суани

Считает, что Ливия превратилась в джунгли, и ею руководят иностранные государства: «Мы живем хуже, чем раньше. Люди продают золотые украшения своих жен, чтобы выжить. Восемь лет у нас нет государства. Мы живем за счет того, что у нас было в прошлом. Еще два-три таких года, и наступит полный коллапс в экономике. Мы были самой развитой страной в регионе, а сейчас я считаю, что у нас самое бедственное положение. Даже в Чаде ситуация лучше, там хотя бы люди чувствуют себя в большей безопасности, чем здесь».

Главные проблемы для народа Ливии состоят в том, что мы лишены безопасности, нас грабят, убивают, похищают, революция привела нас к ситуации, когда нас колонизировали другие страны, фактически нами управляют из-за границы. Люди страдают от бедности, происходит постоянный рост цен. Будущая Ливия выживет, если власть централизует все экономическое и политическое управление и оставит регионам лишь вопросы местного самоуправления. Автономия племен опасна для суверенитета страны. Люди боятся, боятся всего, настолько сильно напуганы.

8. Групповое интервью с представителями племен западной части Триполи

Встреча была посвящена проходящим муниципальным выборам в Ливии. Сам факт предстоящих выборов был для них сигналом мирной жизни. Наши собеседники описали нам систему голосования. Она очень различна, в зависимости от территории. Присутствуют и многомандатный и одномандатный варианты. Самый распространенный вариант – это голосование по трем бюллетеням, где в первом бюллетене избиратель голосует за команду в целом (в зависимости от количества избирателей численность команды различна. Больше 250 тысяч избирателей – 7 депутатов, меньше – 5, и т. п.), второй бюллетень – одна женщина, третий бюллетень – один инвалид. Количество депутатов всегда нечетное. Выдвижение осуществляется на основании представленных подписей в поддержку: около 60 за одного кандидата для округа в 250 тысяч человек. При этом в течение какого-то срока возможна замена кандидата в команде, если на него обнаруживается какой-то компромат, о котором раньше не знали (есть дополнительный список). Важно, что подсчет голосов и оглашение результатов осуществляется на участке без перерывов. В ходе встречи стало ясно, что людям не хватает информации, они боятся открыто говорить свое мнение. Привели пример, что за неудачно сказанный комментарий в отношении правительства в Триполи их родственника на следующий день арестовали –и никто его больше живым не видел.

9. Групповое интервью с руководителями племен в городе Аджмэйл

Цель встречи – познакомиться с шейхами племен, на территории которых будут происходить муниципальные выборы, познакомиться с

кандидатами, узнать сроки проведения выборов и формы агитации. На встрече присутствовал вождь одного из крупных сообществ, представляющих несколько племен. Также присутствовали представители этих племен, общим числом 13 человек. О муниципальных выборах они слышали, готовы принимать в них участие, но они не знают ни дат проведения выборов, ни их формы. Была затронута тема возможных президентских выборов. Общее мнение всех участников состояло в том, что в случае проведения честных выборов, при победе любого кандидата честным образом они готовы будут принять этот результат. Лучше плохой президент, чем отсутствие руководства в стране вообще.

10. Офицер полиции. Эз-Завия

Наш собеседник поделился теплыми воспоминаниями о временах до революции: «Люди жили в безопасности, можно было выходить из дома в любое время суток и не бояться ни убийства, ни похищения. Государство обеспечивало достойные условия жизни своим гражданам, о которых мы сейчас можем только мечтать. Зарплаты были низкие, но и цены были низкие. Сейчас высокие зарплаты лишь у немногих. Появилась большая разница между богатыми и бедными. Многие ливийцы не могут ничего купить в супермаркете. Народ по большей части обнищал. В Ливии была развитая медицина. Операции, которые сейчас делают за границей, тогда делали в деревенских больницах. Мы имели бесплатное, обязательное до девятого класса, образование. В моем городе происходит деградация общественных служб. Люди страдают от постоянных перебоев в электричестве и нехватки наличных денег для взаиморасчетов. Революция не дала положительных элементов ни одной сфере общественной жизни. Из-за отсутствия полноценного функционирующего государства и единой системы управления страной экономика находится в бедственном положении. Вообще непонятно, где деньги от нефти. Ливии не удастся выбраться из политического кризиса из-за негативного вмешательства других стран.

«У нас нет ни друзей, ни союзников, все хотят отхватить свой кусок пирога. Италия вовсе считает Ливию своей колонией...»

11. Офицер полиции. Сабрата

Наш собеседник рассказал, что он скучает по временам Каддафи: «Ливийцы были уважаемы в соседних странах. Мы гордились своей страной. Сейчас такого нет больше. Люди забыли, что значит жить в мире и безопасности. Я не боялся отпускать родных из дома в любое время суток. Сейчас, выходя из дома утром, я не уверен, что вернусь домой вечером живым».

Люди устали жить с постоянной угрозой для жизни из-за законной легитимной власти и правосудия. Отсутствие безопасности, функционирующей судебной системы, отсутствие всеобщей амнистии – главные проблемы нашей страны. В повседневной жизни людям приходится сталкиваться с такими трудностями, как постоянные перебои с электричеством, отсутствие топлива, которое тотально уходит с бензозаправок контрабандистам.

12. Групповая встреча в Злитене

Было девять человек. Общее мнение, что с момента революции не было никаких положительных изменений.

«Развитие нашей страны остановилось».

«Ливия разрушена, а люди повсеместно чувствуют угрозу своей жизни, все стали жить хуже».

«Мы были лучшими в Африке, теперь мы худшие».

«Ливия потеряла свое достоинство после 2011 года».

На вопрос о тех проблемах, которые беспокоят ливийцев, собеседники пояснили, что считают основными отсутствие безопасности, экономическую ситуацию, отсутствие наличных денег и поддержку войны «из-за рубежа».

«Турция, всеми нами управляет Турция, разве можно что-то ждать хорошее от турков? Где наши деньги?»

13. Старейшина племени

По его мнению, большинство жителей Триполи устали от власти банд, милиций и исламистов. Собеседник отметил, что у власти много

преступников, стоящих за незаконной эмиграцией, торговлей людьми, органами.

«У нас есть точки соприкосновения с Хафтаром, что касается его борьбы с бандформированиями и установки режима безопасности в Ливии. Вот Башага – (министр МВД ПНС) он мне лично угрожал, что заберет моих детей, если я не буду давать его людям денег и еды».

14. Бывший представитель Муаммара Каддафи по странам Ближнего Востока

От имени ООН другие страны посеяли хаос и вошли в страну под предлогом защиты народа и разбомбили страну, а также разрешили вход террористических организаций со всех стран. Сейчас ливийский гражданин живет не только хуже соседей из Египта, Чада, Нигера и Нигерии, он живет в одних из худших условий среди всех стран мира. Три ключевые проблемы Ливии – безопасность, экономика, политическая стабильность.

15. Бывший (избранный) мэр Кофры, член влиятельного клана племени зувайя

В любом случае поддержка США означает начало длительной кровопролитной войны. Планы США – обострение обстановки и создание хаоса в Ливии. При этом собеседник полагает, что Америка может прямо или косвенно также помогать ИГИЛ (здесь и далее – террористическая организация), что для США, возможно, имеет прямую материальную выгоду: на создание ИГИЛ, по некоторым данным, американцы затратили порядка 100 млн долларов, в то же время странам, воюющим с ИГИЛ (террористическая организация), уже продано оружия американского производства на 10 млрд долларов.

Во избежание конфликта с арабскими племенами, например, с зувайя, тубу, не будут предпринимать масштабных антихафтаровских действий. Однако точечные атаки и нападения террористов следует ожидать, в том числе с участием представителей тубу.

16. Ректор медицинского университета. Бенгази

Государственный университет в Бенгази – старейший в Ливии (открыт в 1951 году) и пятый по размерам на Ближнем Востоке. Обучение бесплатное. В

университете обучаются более 80 тысяч студентов, работают 3 тысячи преподавателей.

С 2014 года испытывает серьезные трудности с финансированием. Преподаватели четыре месяца не получают заработную плату, которую должны перечислять из Триполи. Недавно правительство в Аль-Байде изыскало возможность выделить университету транш в 2 млн динаров для финансирования текущих расходов. Ректор университета горячо приветствует открытие кафедры русского языка и уверен, что будет немало желающих изучать именно русский язык. Например, студенты и преподаватели читают много русской литературы как часть образовательной программы. В вузе действует кафедра итальянского языка, на ней обучается порядка 150 студентов, по обмену обучаются 20 человек. Таким образом, несмотря на внешнюю политику Италии, с этой страной сохраняется сотрудничество. Также подписано 50 договоров о сотрудничестве с арабскими странами. Имеются договоры о культурном обмене с Францией, Германией, университетом Д. Вашингтона в США. В университете очень сожалеют, что не имеется никакой связи с российскими высшими учебными заведениями. Нужно налаживать связи напрямую на уровне вузов, официальные министерства в Ливии этому не будут препятствовать...

Попытки политического диалога за последние годы ни к чему не привели в стране, все они закончились провалом. Единственный эффективный способ решить проблемы Ливии – военно-силовой. Это болезненный путь, но необходимо на него решиться и пройти до конца.

17. Встреча с руководством университета. Бенгази

Встреча состоялась в городе Бенгази на территории вуза при содействии ректора медицинского университета г. Бенгази, лидера партии «Демократический союз» доктора М. Саада. На встрече присутствовали президент университета Ахмед Аззарук, ректор университета доктор Асдин Юнис, декан факультета терапии доктор Мухаммед Мади, проректор по международным связям, руководитель отдела аспирантуры доктор Мухаммед

Боамут. На вопрос о текущем сотрудничестве ректор университета сообщил, что имеются договоры о культурном обмене с Италией, Францией, Германией, США. Отношение к России положительное. Главный вред сегодня Ливии – в действиях триполитанских группировок и их союзников. Единственный эффективный способ решить проблемы Ливии – военно-силовой. На территории университета исламисты проводили массовые казни, палачи играли в футбол головами жертв.

6 Вместо заключения. «СПИСОК ШУГАЛЕЯ»

Из сообщений Максима Шугалея: «К сожалению, находясь в тюрьме Митига, я не могу проводить дальнейшие исследования в продолжение начатой нами работы по выявлению лиц, причастных к интеграции теневых структур ИГИЛ и других террористических организаций в государственные структуры Триполи. Я могу дать список не менее трех десятков лиц, участвующих в строительстве социальных лифтов для террористов в Триполи. Однако, особое внимание необходимо уделить «идеологам» процесса сращивания терроризма и государства. Это - ключевые фигуры мирового уровня, деятельность которых еще предстоит внимательно изучить, чтобы дать оценку тому, какие разрушительные последствия могут наступить от их действий, как для Северной Африки в целом, так и глобально для всего мирового сообщества».

7 Сведения об авторах

ШУГАЛЕЙ МАКСИМ АНАТОЛЬЕВИЧ, (родился в 1966 году), Гражданин России, проживает в Санкт-Петербурге. Юрист, специалист по связям с общественностью, бизнес- и политический консультант с опытом работы на Африканском континенте. Организатор и участник ряда исследовательских проектов в РФ и за ее пределами. Женат. Двое детей.

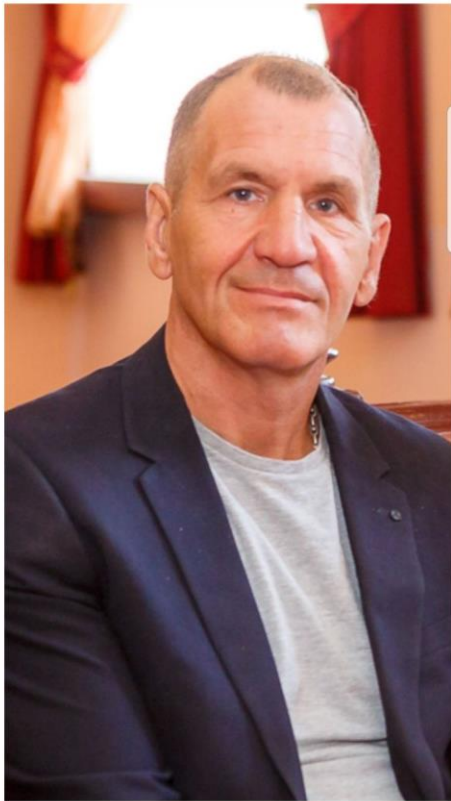
ЮРЬЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (родился в 1942 году), профессор, доктор психологических наук. Директор Института политической психологии и прикладных политических исследований ЛГУ им. А. С. Пушкина с 2017 года. Создатель и заведующий первой в России кафедры политической психологии в Санкт-Петербургском государственном университете (1989–2009), заведующий лабораторией политического консультирования факультета политологии СПбГУ (2009–2017). Являлся руководителем переподготовки кандидатов в губернаторы России, представителей президента РФ (1991–1994), работал консультантом председателя правительства РФ (1993–1995). Известен как исследователь политических изменений в мире, представленных глобализацией и сетевым обществом. Появление новой политической реальности объясняет изменением содержания политического сознания людей, которое понимает, как целостную систему из смысла жизни, ценностей и целей жизни человека. Политику рассматривает как науку, исследующую, проектирующую, формирующую и эксплуатирующую власть, а политическую деятельность понимает как экстремальный вид профессиональной трудовой деятельности. Считает, что основанием для обретения реальной власти является способность к политическому целеобразованию. Главной опасностью современности считает деструктивные политические эпидемии, которые являются следствием изменения сознания многих людей под влиянием новой политической реальности.

БУРИКОВА ИНГА СЕРГЕЕВНА (родилась в 1978 году), кандидат психологических наук (тема диссертации «Психология влияния социально-политических технологий на общественное мнение»), заведующая

лабораторией Института политической психологии и прикладных политических исследований ЛГУ им. А. С. Пушкина. До этого старший научный сотрудник факультета политологии СПбГУ (2010–2017), старший преподаватель кафедры политической психологии СПбГУ (2000–2010). Автор таких работ, как «Воздействие на избирателя в ситуации политических выборов» (1998), «Психология правосознания человека в условиях глобальных изменений» (2003), «Социально-политические технологии» (2004), статей в коллективной монографии «Стратегическая психология глобализации. Психология человеческого капитала», коллективной монографии «Опыт психологического измерения человеческого капитала», «Либеральный терроризм как новая форма политического протеста в России» (2013) и др. Известна как успешный политтехнолог, специалист по работе с общественным мнением. В ходе исследований разработана концепция социально-политических технологий как психолого-политического механизма эффективного взаимодействия субъекта и объекта политики, изменяющего и формирующего общественное мнение, адекватное глобальным изменениям в стране и мире. Автор концепции «позитивной политики». Генеральный директор ООО «Центр специальных проектов «Белый дом», генеральный директор НП АНО «НИИ политической психологии».

СУХАНОВ ОЛЕГ ВИТАЛЬЕВИЧ (родился в 1955 году), кандидат социологических наук (тема: «Пути изучения общественного настроения в условиях реализации радикальной политической реформы», специальность «Общественное мнение», 1991). С 1978 по 1996 год работал в институтах АН СССР в должностях старшего лаборанта, младшего научного сотрудника, научного сотрудника, старшего научного сотрудника (ИСЭП, Институт социологии). С 1996 года работал в различных частных исследовательских организациях и проектах. С 1989 года и по настоящее время занимался избирательными кампаниями и как руководитель кампании, и как руководитель информационно-аналитического обеспечения кампании. Принял участие в реализации около 150 электоральных проектов как в Санкт-Петербурге, так и в других регионах РФ и бывшего СССР. Любые исследования в области социологии (общественное мнение, маркетинг и т. п.). Методическое и методологическое обеспечение исследования. Организация, инструктаж, консультирование, экспертная оценка. Анализ данных, написание

научных отчетов и статей. Разработка стратегий оригинальных рекламных кампаний, в том числе электоральных. Социально-политическая аналитика и написание обзоров. Историография.

Шугалей Максим Анатольевич
Shugaley Maxim

54 года

24 февраля 1966 г.

Гражданин России, проживает в Санкт-Петербурге. Юрист, специалист по связям с общественностью, бизнес- и политический консультант с опытом работы на Африканском континенте. Организатор и участник ряда исследовательских проектов в РФ и за ее пределами. Женат. Двое детей.

